
ОГОНЁК
№ 21 МАЙ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Морской нефтепромысел Каспия. На Нефтяных камнях. Прокладка нового нефтепровода для перекачки в резервуары добываемой нефти.

Фото Б. Вдовенко.

На первой странице обложки: Начальник приморского цеха Белосарайского рыбозавода (Азовское море) Н. Ф. Кривонос. Руководимый ею цех лучший на заводе, в прошлом году за перевыполнение плана получил премию от министерства — автомашину «ГАЗ-51». Н. Ф. Кривонос, старая рыбачка, награждена орденом «Знак Почета» и медалью «За трудовое отличие».

Фото А. Устинова.

На последней странице обложки: Перед грозой.

Фотоэтюд Г. Макарова.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

31-й год издания

24 МАЯ 1953

№ 21 (1354)

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Последний звонок

Есть в каждой школе свои хорошие обычаи, так глубоко и прочно вошедшие в школьную жизнь, что о них говорят: «Это традиция».

...В этот день, как всегда, звенели звонки, шли уроки. Но день был особенный: первоклассницы о чем-то перешептывались, суетились на переменах; в пионерской комнате огромный ворох ландышей разбирали на маленькие букеты; учителя совещались с родителями, которые с самого утра пришли в школу...

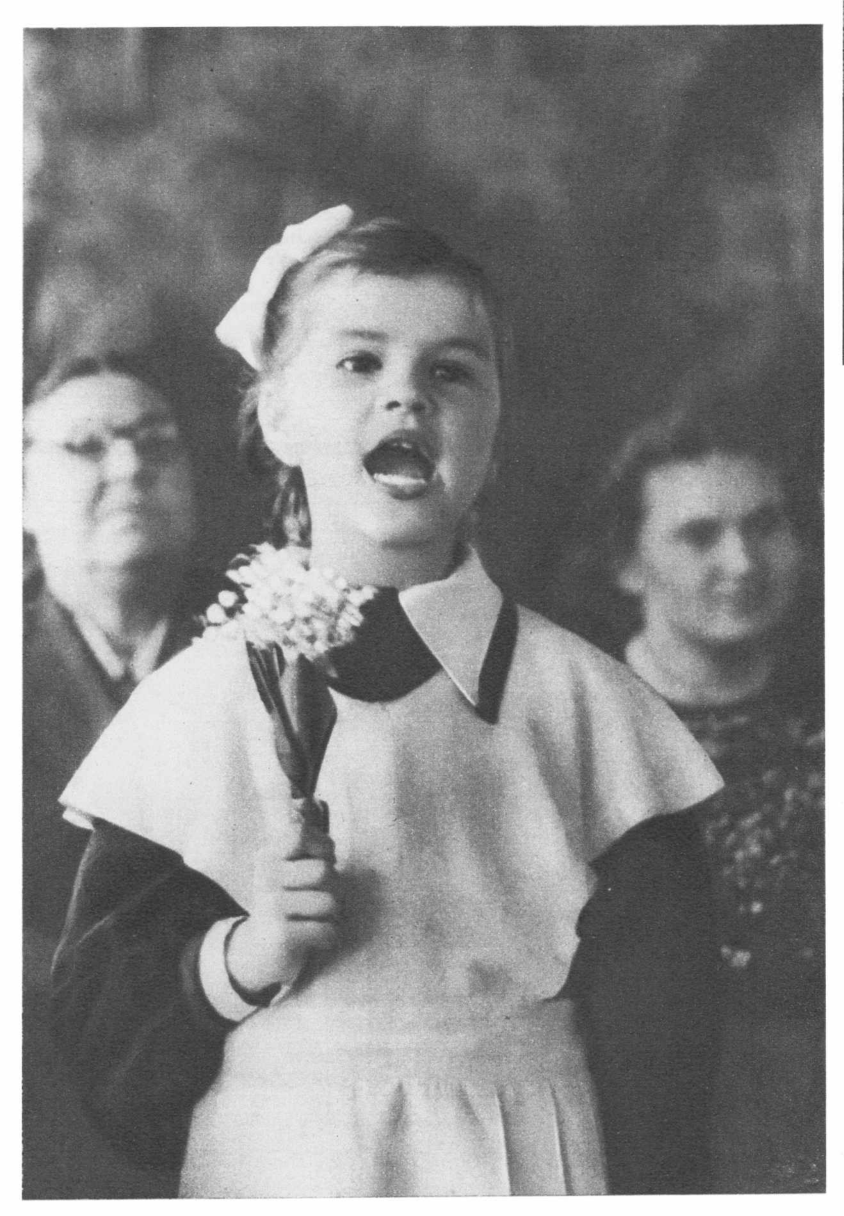
Когда у десятиклассниц кончился последний урок, двери школьного зала распахнулись настежь, и девяносто семь выпускниц выстроились вдоль стен.

Первой взяла слово Антонина Владимировна Кучеревская, завуч школы. Она раскрыла красную папку и торжественно прочитала: «Приказ № 128 по 163-й средней школе города Москвы». В нем говорилось: педагогический совет постановил допустить всех десятиклассниц к экзаменам на аттестат зрелости.

Под веселую музыку в зал вошли девяносто семь первоклассниц. Белые фартуки и белые банты поплыли вдоль строгих рядов десятиклассниц, и в зале стало повесеннему светло и радостно. А потом малыши протянули старшим девяносто семь белых букетов.

Прозвучал последний звонок...

— Все первоклассницы от души желают вам успешно сдать экзамены! — сказала Наташа Кутепова.

Так они и остались стоять рядом — маленькие первоклассницы, научившиеся в этом году писать и читать, и десятиклассницы, у которых впереди экзамены на аттестат зрелости.

Со школьной сцены потеплевшими, внимательными глазами смотрели на них учителя. Быть может, мысленно проходили они сейчас тот долгий и трудный путь, полный больших и маленьких тревог, радостей, по которому десять лет педагоги вели своих учениц к аттестату зрелости.

И Мария Ивановна Зубова, директор школы, и учительница физики Ефросинья Ивановна Дробижева, обращаясь в этот торжественный час к десятиклассницам, быть может, вспоминали, как в прошлом году, в последний день занятий, в этом же зале так же выстроились десятиклассницы. А когда экзамены остались позади, все радовались: школьницы получили восемь золотых и шесть серебряных медалей.

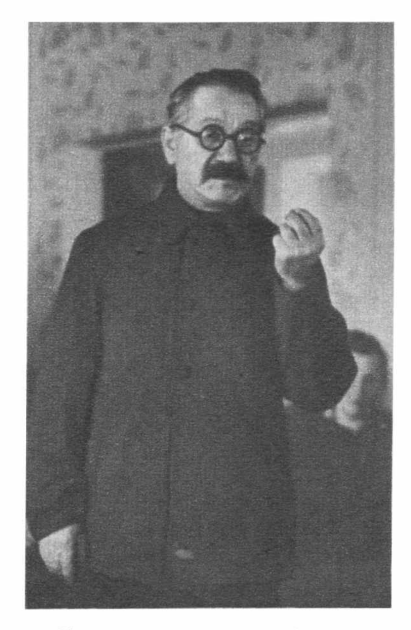
...По приставным ступенькам на сцену взобрались три первоклассницы с ландышами в руках. Наташа Кутепова помолчала, поправила бант, не спеша обвела глазами зал, а потом коротко и звонко сказала, что все первоклассницы от души желают выпускницам успешно сдать экзамены, поступить в вузы и никогда не забывать своей школы. Они, между прочим, подсчитали, что в 1962 году придет и их черед держать выпускные экзамены...

Медленно поднялся со своего места старый слесарь Иван Федорович Грошев с завода, шефствующего над школой.

Иван Федорович пришел в зал прямо из инструментального цеха. Он положил на спинку стула большие, потемневшие от металла руки и обратился к девочкам: «Дорогие друзья!..»

Он сказал, что экзамены на аттестат зрелости — это не только большой труд, но и огромное счастье, веха, открывающая путь к новым знаниям, к созидательному труду на благо Родины. Вот он, слесарь, тридцать лет работает на заводе. У него была другая юность: ходил всего три зимы в школу. Но дети его жили иначе: сын — сейчас инженер на заводе, старшая дочь окончила институт, младшая — техникум. Вот какие широкие дороги открыла перед ними страна!

— Я верю, что годы учебы не прошли для вас зря, что экзамены встретите вы уверенно, спокойно

— Я верю, что годы учебы не прошли для вас зря, — обратился к школьницам слесарь Иван Федорович Грошев.

и смело. Желаю вам в эти дни расчетливо и бережливо расходовать время. Я сам, как рабочий человек, хорошо знаю цену времени.

Девушки стоят молчаливые и серьезные. Много доброго и хорошего сделала школа, чтобы они спокойно и уверенно встретили экзамены. Год за годом она учила их заглядывать за черту заданного. Здесь, в этом зале, целый год им читали лекции в школьном лектории. Здесь они знакомились с интересными людьми, слушали доклады о жизни и деятельности великих русских ученых. Здесь им рассказывали о строении вселенной и о развитии русского театра, о богатствах Третьяковской галереи и о деятельности Ломоносова...

А кружки? Литературный, химический, математический, физический... Здесь открывались перед ними новые дали, они учились глубже понимать Горького и Маяковского. Литературные вечера, олимпиады, в которых из года в год многие из них были непременными участницами, экскурсии и читательские конференции — все это делало их сильнее.

...На сцену одна за другой поднимаются подруги, чтобы в коротком выступлении пожелать школьницам успехов.

Теплое слово произнесла и учительница Матрена Георгиевна Рогозкина. Десять лет назад, когда девочки из десятого «А» были еще первоклассницами, она учила их писать палочки. В пятом классе она преподавала им арифметику и была классным руководителем. Потом они расстались. К Матрене Георгиевне опять пришли малыши, она опять учила их писать палочки, но судьбой и делами прежних своих учениц все так же горячо интересовалась. Внимательно следила она за тем, как, становясь умнее, старше, дружно переходили девочки из класса в класс,— и так все десять лет, без единой второгодницы.

Матрена Георгиевна переживала события их школьной жизни: и вступление в комсомол и экзамены в конце года. Сегодня она опять с ними...

И вот наконец настала эта минута! Ровный и сильный, изо дня в день оглашающий школу, пронесся по коридорам и классам звонок. Он напомнил десятиклассницам о скором прощании со школой, о том, что вся страна желает им успехов и что теперь уже совсем не за горами самостоятельная дорога.

Уборщица Марина Егоровна — тетя Маша — сняла руку с кнопки звонка. Стало тихо. Так тихо, что слышно было, как теплый ветер перебирает на подоконниках цветочные листья. В вестибюле у тети Маши тоже наступила тишина. Она заперла раздевалку, тихо вошла в зал, встала у стенки и сразу же увидела четыре ряда знакомых взволнованных лиц. Десять лет назад эти девочки протягивали ей в окно раздевалки свои короткие детские пальтишки. После уроков она помогала им одеваться: смотрела, чтоб не перепутали калоши, застегнули пуговицы, завязали шарфы. Они росли у нее на глазах. А вот сегодня у них последний урок. Разве можно в такой час тете Маше усидеть одной в пустом вестибюле, возле запертой раздевалки?..

Последней поднялась на сцену Светлана Корсикова. Десятиклассницы поручили ей сказать спасибо людям, которые учили их любить Родину, труд, знания, помогали расти сильными и смелыми.

Вот и сегодня Матрена Георгиевна Рогозкина опять со своими бывшими ученицами.

...И казалось: корабль уходит в большое плавание. Те, которые стоят на палубе, не одни. С берега им машут родные руки, и летят по ветру знакомые голоса: «В добрый час! Удачи вам и счастья!..»

К. ЯКОВЛЕВА

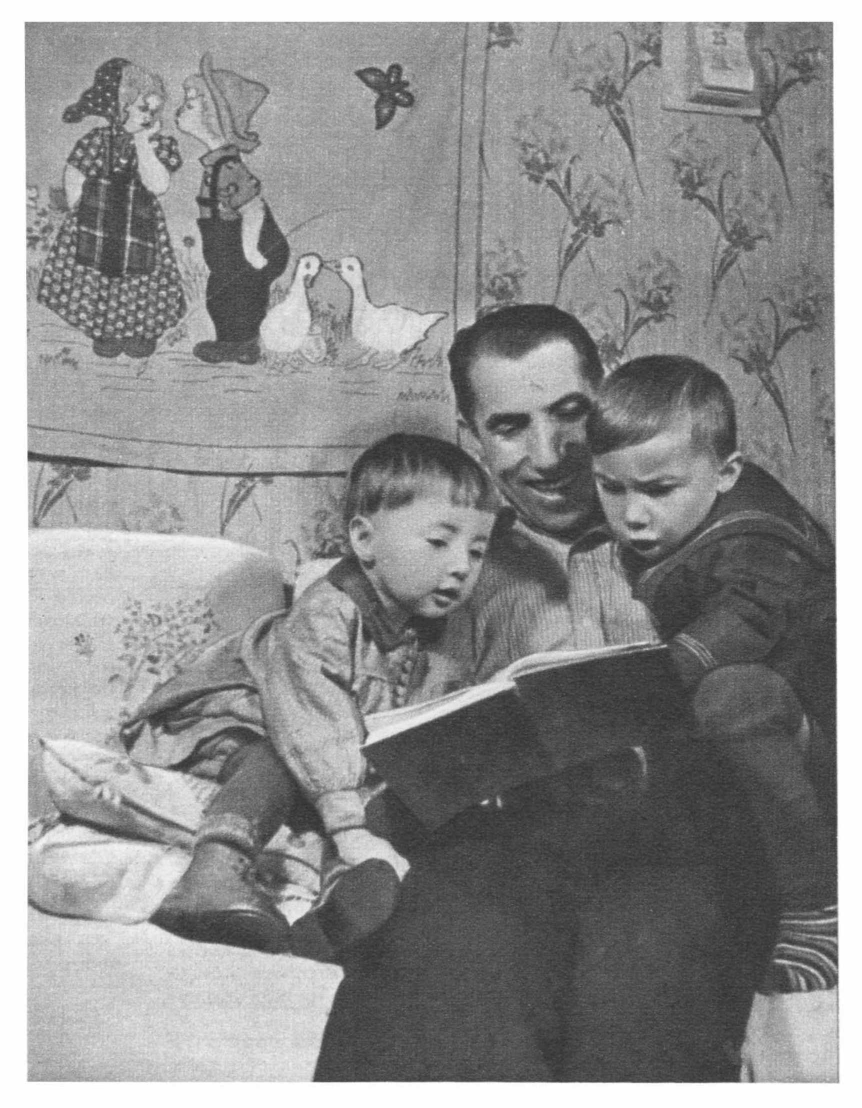
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

10-й класс «В». Консультация перед выпускными экзаменами.

Тетя Маша нажала кнопку звонка.

Едва Иван Давыдович придет с работы, как Игорь и Мариночка забираются к нему на колени, просят показать картинки, рассказать сказку про гуся.

Творчество

Вл. СОЛОУХИН

Фото С. Фридлянда.

...К концу дня затих грохот боя. Закатное солнце положило свои страшного цвета лучи на исковерканную землю. Всюду вокруг, насколько хватал глаз, медленно остывали останки тяжелых, еще недавно грозных машин, теперь превратившихся в груду стального лома. С одной стороны они были багровы (все от того же заката), с другой — черны, как тушь. Такие же черные лежали от них тени. Война ушла дальше на запад, а на место недавнего побоища опустилась предвечерняя тишина. И — о чудо! — здесь, где не было ни одного вершка земли, на который не шлепнулся бы кусок металла, где земля, если взять ее в горсть, так же тяжела, как чугунные опилки, здесь, в предвечерней тишине, закричал перепел: «Подь-полоть, подь-полоть!»

— Вот так чудеса! Слушайте, ребята, перепелка-то поет! И как ее угораздило уцелеть?..

— Чудеса!— подивились ребята. То, что они сами были живы, очевидно, не казалось им чудом. Разговаривала группа бойцов из взвода связи. Они только что поужинали и теперь, полусидя, полулежа, насквозь пропыленные, с гудевшими головами, приходили в себя, жгли махорку, изредка перебрасывались словечками. Молодой боец, вертевший в руках какую-то железку, оказался разговорчивей других.

— Ведь вот деталь,— вдруг заговорил он.— Ее сделали умные человеческие руки. Для того, чтобы сделать эту деталь, добывали руду, изобретали станки, делали чертежи. А сколько здесь таких деталей, сколько человеческого труда погибло за эти дни! Вот смотрите: стальная, а разные канавки, дырочки, резьба... Ведь это все сделать нужно было.

— Пошла философия,— буркнул кто-то.— Человеческого труда ему жалко. А людей не жалко? Они тебе таких деталей наделали бы. А вон... лежат.

— Дай посмотрю! — старшина Леонов, сидевший тут же и не вступавший до сих пор в разговор, протянул руку. Рука была грязная, и едва на эту грязную ладонь легла деталь, бойцам показалось, что они, леоновская ладонь и кусок обработанной стали, созданы друг для друга. Такое чувство, должно быть, возникло бы у людей, ни разу не державших винтовки, когда они увидели бы, как ее берет снайпер.

— Деталь пустяковая. Такую штуку я сделаю за двадцать минут. Может быть, я ее и делал. Впрочем, нет, немецкая.

— А ты кто? Токарь-пекарь? — полюбопытствовали бойцы.

— Зачем токарь? Я фрезеровщик. Приходите после войны к нам, на Кировский завод, я покажу вам, как надо обращаться со сталью, как делать такие вот штуки. Только такие штуки будут не нужны. Тем лучше. Будем делать мирные детали.

Он помолчал, задумавшись, и вдруг с горечью сказал:

— Хоть бы полчаса за станком постоять! И еще бы три года воевать можно. Эх, черт!..— Со злостью брошенная деталь ударилась о кусок рваной брони, звеня, отскочила в сторону.

...После демобилизации Леонов вернулся на Кировский завод, но уже не в прежний цех, а в цех штампов и приспособлений. Его, этот цех, было принято называть сокращенно: «ШиП».

Войдя в цех, Леонов глубоко втянул воздух и блаженно улыбнулся. В ШиПе не может быть ровного, однообразного ритма. Это не поток, не серийное производство. Здесь каждый станок делает свою, особую работу, мало того: несколько непохожих друг на друга работ в течение одной смены. И все же ритм в цехе ШиП есть, его нужно только уловить. Он определяется тем, что каждый станок, что бы он ни делал, работает на полной нагрузке.

Тяжело и медленно, как морской прибой, шумят строгальные станы. Лаконично отвечают им долбежные. А тут еще из кузнечного отделения слышатся удары молота. Да еще оттуда, где над шлифовальными станками взлетают снопы искр, доносится: «Вжик, вжик, вжик». Объединяя все эти шумы, мелодично и равномерно работают токарные, сверлильные, фрезерные станки. Цех вибрирует. Все в нем дрожит мелкой, невидимой для глаза, напряженной дрожью. Такую же дрожь услышал в своем сердце, в своих руках, истосковавшихся по работе, фрезеровщик Иван Леонов, когда он вошел в цех.

Мастер цеха подвел Леонова к небольшому станку:

— Вот здесь будешь трудиться. Поди, отвык?

— Старый конь борозды не испортит,— бросил ему Леонов, уже заглядывая куда-то внутрь станка, уже щупая там что-то, уже недовольный чем-то. Потом он закрепил деталь, подвел фрезу к ее кромке и включил мотор. Фреза, еще не доставая до металла, начала крутиться. Ее зубья жадно поблескивали.

— Сейчас, сейчас, погоди,— приговаривал Леонов, поворачивая рукоятку подачи. — На, ешь!

И сталь врезалась в сталь. Можно было бы ждать скрежета, но фреза врезалась мягко и пошла, пошла углубляться, выкидывая мелкую стружку. Умный инструмент!

— Вот так, вот так! — бормотал фрезеровщик, увеличивая подачу.— Давненько не брал я в руки шашек!..

...Умный инструмент! Да так ли уж он умен?

С первых дней прихода на завод не покидала Ивана Леонова некая неудовлетворенность, некое беспокойство. За какую бы работу ни взялся, всюду старался он найти возможности сделать быстрее и лучше, чем это предписывалось технологической картой. Беспокойство его понятно, ибо оно было свойственно не одному только Леонову, фрезеровщику с Кировского завода.

С бешеной скоростью закрутились патроны токарных станков, когда ленинградец Борткевич и москвич Быков рассчитали и доказали, что им можно и должно крутиться с такой скоростью. Метод инженера Ковалева вскоре охватил все сферы народного хозяйства страны. Две девушки из Люблино — Жандарова и Агафонова — бросили призыв бороться за отличное выполнение каждой операции. И это было подхвачено всеми. Инициатива поднималась из самых глубин производства. Творческим порывом была охвачена вся страна. Люди ломали старые установленные режимы и нормы, ломали установленную организацию производства.

Постоянная неудовлетворенность жила и в душе фрезеровщика Ивана Леонова: то он предложил иначе крепить обрабатываемую деталь, и тем были сэкономлены десятки тысяч рублей; то доказал, что попутное фрезерование выгоднее, и на заводе поднялась производительность; то он переконструировал дисковую фрезу, приспособив ее для скоростного резания. Уже узнали Леонова, как неутомимого рационализатора, уже выполнял он по двадцать две нормы за смену, уже было ему присвоено звание лучшего инструментальщика Ленинграда, когда он всерьез усомнился, да так ли уж умен инструмент, которым он работает.

Сначала это было только сомнение, потом появилось раздражение, острое недовольство, а потом злость. Да и как было не злиться? Работал Леонов с упоением: чем быстрее крутилась фреза, чем быстрее подавал он навстречу ей стальную деталь, чем быстрее сыпалась из-под фрезы стружка, тем радостнее был труд для Леонова. Он рассчитывал свои движения, стараясь не делать ни одного лишнего, он умел экономить каждую секунду времени, а вот инструмент этого не умел, инструмент вредил Леонову: через каждые двенадцать минут он выходил из строя. Фрезу надо было перетачивать. Времени на это уходило много, за смену набирались целые часы. Можно представить, как чувствовал бы себя первоклассный скрипач на концертной сцене, если бы во время исполнения любимой пьесы у него через каждые двенадцать минут — и не случайно, а закономерно — ломался смычок. Такой артист, наверное, бросил бы скрипку, убежал бы со сцены... Леонов тоже был артист своего дела, но только из цеха он не убегал, не бросал рабочего места. Он злился и думал.

Вот она, злосчастная фреза. Леонов держит ее на ладони. Стальной цилиндр, вдоль которого нарезаны невысокие острые зубья. Это

Крепкая дружба связывает фрезеровщиков с участка холодных штампов. Они вместе работают, вместе обсуждают трудные вопросы, вместе любят погулять за Нарвской заставой. На снимке (слева направо): Б. С. Трибель, И. Д. Леонов, Е. В. Лобанов, Н. М. Чижиков.

было бы похоже на деревянный валик самодельной детской трещотки, только зубья на фрезе вьются, образуя спираль. Фрезу рассчитывали профессора, умные люди, — уж, верно, они знали, что делали. Знали они, какой остроты должны быть зубья, какое расстояние должно быть между ними. И все углы и радиусы взяты не с потолка. Они результат математических вычислений и многолетней практической проверки. И все-таки фреза ломалась.

Причину этого Леонов искал недолго. Всюду, где сталь режет сталь, бывает очень горячо. Стружка, стекая по канавкам меж зубьев, плавится, припаивается ко дну канавок, закупоривает их. А снизу все течет и течет новая стружка. Фреза начинает дрожать, как если бы нагрузка на нее неожиданно увеличилась в десятки раз. Потом она ломается под самый корешок, если ее не успевают остановить. Причина была ясна. А вот что сделать с фрезой, чтобы она работала не двенадцать минут, а хотя бы в два раза дольше, Леонов не знал. Смущало его также то, что предстояла борьба за изменение ГОСТА — Государственного стандарта, являющегося законом для производства.

Однажды в конце месяца, в день получки, Иван Давыдович пришел в партбюро цеха заплатить членские взносы. Секретарь партбюро Евгений Маркович Новик, ставя в партбилете штампик, спросил у Леонова:

— Что-то тихо ты жить начал, Иван Давыдович?

— Как это тихо? Что же мне, гоготать, что ли, у станка?

— Не в этом дело. Гоготать, может, и не нужно, а вот расти обязан. Изменил ты в сорок девятом году дисковую фрезу, перевел ее на скоростное резание — хорошо. Поставил ты в честь XIX съезда партии рекорд — тоже хорошо. Но ведь и дальше нужно идти. Нужно бить свои же рекорды, да так, чтобы они и рекордами быть перестали.

— Не о рекордах я сейчас думаю, Евгений Маркович, — серьезно ответил Леонов. — Не дает мне покоя проклятая фреза. Ведь если заставить ее работать дольше, что получится? Рекорда, конечно, не будет, а общая по цеху, по заводу, по всему Советскому Союзу производительность поднимется. А то, что не расту, — это вы зря. Я учебников по одному фрезерному делу уйму перерыл. Все формулы, формулы, формулы. Геометрия — наука, Евгений Маркович, высшая математика. Страшно мне с моими четырьмя правилами арифметики против нее лезть. Опять же ГОСТ.

— Ну, ГОСТ тебя пусть не смущает. Лучшему инструментальщику города, да еще с Кировского завода, стыдно бояться ГОСТа. Делай фрезу, которая будет работать лучше и дольше, и ГОСТ, как миленький, учтет ее в своих параграфах. Это и есть технический прогресс.

Начались поиски. С первых же шагов Леонов пошел по правильному пути. Если стружка запаивает, забивает канавки, если ей узко пространство между зубьями, значит зубья нужно разредить. И Леонов убрал с фрезы через зуб ровно половину зубьев. Стружка пошла свободней, но фреза работала плохо, неряшливо.

«Нет, Иван Давыдович, слишком просто ты хотел решить это дело, — говорил сам себе Леонов. — Уж очень ты ловок! Снял половину зубьев — и готова новая фреза? Ты посиди еще над чертежами, повычисляй углы да радиусы да перепорти десятка два опытных фрез, — тогда, может быть, что-нибудь получится».

И Леонов делал все это — и сидел над чертежами, и вычислял углы да радиусы, и портил фрезы.

Однажды он закрепил в станок фрезу, на первый, неопытный взгляд ничем не отличавшуюся от прежних. Закрепил, включил мотор и засек время. Вот прошло двенадцать минут. Фрезе пора выходить из строя, а она продолжает работать. Вот прошло двадцать четыре минуты — фреза работает. Пятьдесят — работает. Семьдесят — работает. Девяносто — работает. Сто! На сто первой минуте Леонов остановил станок: инструмент нужно было менять. Еще горячую, так хорошо потрудившуюся фрезу Леонов понес к Евгению Марковичу Новику.

— Вот, Евгений Маркович, кажется, нашел то, что нужно.

— А я и не сомневался. Сколько?

— Пока сто минут.

— Серьезная цифра. На ком еще проверял?

— Ни на ком.

— Так вот, ты пока не шуми. Нужно сделать десять — пятнадцать таких же фрез и раздать в цехе. Причем раздай и квалифицированным рабочим и ремесленникам. Соберем сведения, сопоставим.

Но сопоставлять, в сущности, было нечего. Всюду фреза работала отлично и всюду, где она работала, резко поднималась производительность.

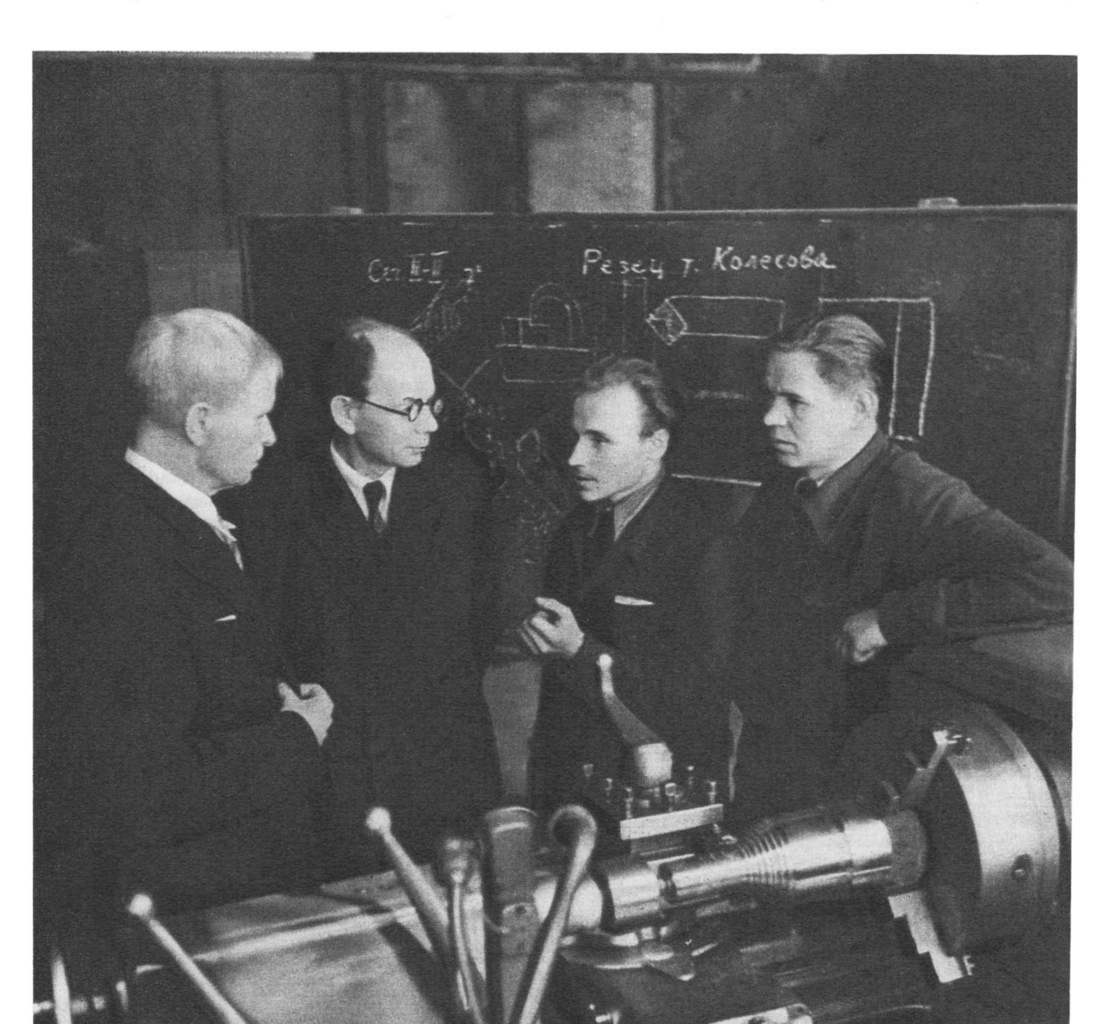
Да, только на вид не отличалась эта фреза от прежних. На самом деле она несла в себе бессонные ночи Леонова, иные расчеты и новую геометрию. В ее красивых формах была заключена творческая мысль советского рабочего, инициативного, умного, культурного. Рабочий передал инструменту свое желание служить Родине, вложил в него свою волю к победе. И там, где сталь врезается в сталь, инструмент не замедлил проявить это новое качество.

14 апреля о победе Леонова сообщила «Правда». На первой странице жирным шрифтом было напечатано: «Повышение стойкости инструмента — источник роста производительности труда». И дальше: «Усовершенствованная фреза И. Леонова работает не 12, а 100 минут».

Спустя несколько дней в Ленинград пошли письма. В одном из них московский ученый, автор учебника по фрезерному делу, писал: «Очень прошу Вас выслать мне расчеты Вашей фрезы. Я должен внести изменения в новое издание учебника».

Фреза Леонова становилась достоянием страны.

В лаборатории резания Кировского завода. Здесь часто встречаются ученые и новаторы производства. Справа налево: лауреат Сталинской премии, бригадир межцеховой комплексной бригады скоростного резания Е. Ф. Савич, токарь-новатор Л. К. Лалетин, доцент кафедры станкостроения Ленинградского политехнического института, кандидат технических наук А. В. Щеголев и инженер И. В. Виноградов.

БУДУТ ВЫСОКИЕ УРОЖАИ!

Я. МИЛЕЦКИЙ

Необычная картина представилась нашим глазам на этом заводе. Впереди расстилалась огромная крытая площадь, на которой высились белые горы суперфосфата. Пройдя сложные производственные процессы, хибинские апатиты попадают сюда в виде белоснежного порошка. Несколько экскаваторов работают круглые сутки. Ленточный транспортер непрерывно подает готовую продукцию непосредственно к железнодорожным вагонам. А белые горы все растут и растут...

— Если собрать весь суперфосфат, отправленный нами на поля лет за пятнадцать, пожалуй, образовалась бы гора с Казбек.

Это говорит начальник цеха Владимир Васильевич Андреев.

Часть изготовленного суперфосфата идет на дальнейшую переработку. По транспортеру, проложенному в тоннеле, он попадает в цех гранулированного суперфосфата, где превращается в маленькие гранулы, размером в 2—4 миллиметра каждая. Суперфосфат в гранулированном виде можно вводить в почву в значительно меньшем количестве, а урожай получается более высокий.

Входим в цех. Огромные грануляторы, гигантские сушильные барабаны, элеваторы и бункера, система сит, которые пропускают лишь гранулы положенного размера... Непрерывным потоком идут они в склад готовой продукции, расположенный на нижнем этаже. Автоматические весы отвешивают их по 50 килограммов. Машина прошивает плотные бумажные мешки и прикрепляет к ним этикетку:

> Государственный Союзный Воскресенский химический комбинат имени В. В. Куйбышева.
> Гранулированный суперфосфат.
> Партия № 44-5.

...Шумно на обширном дворе. Из цехов доносится гул агрегатов. По асфальтированным дорогам снуют автомобили. Над головой движутся вагонетки подвесной дороги, доставляя сырье в цех фосфоритных мельниц.

— Комбинат дает теперь сельскому хозяйству втрое больше фосфоритной муки, чем до войны,— говорит Андреев.

Лязгают вагоны у складских платформ. Пронзительно свистят паровозы, увозя составы, груженные минеральными удобрениями. Крупными буквами мелом начертаны на вагонах названия станций назначения.

Уходит в путь и партия гранулированного суперфосфата № 44-5. На одном из промелькнувших вагонов читаем: «Михнево».

Направимся и мы по следам партии 44-5.

Колхоз «Путь к коммунизму» Михневского района. На возвышенности, вдали от дороги, идет сев озимой пшеницы. В руках бригадира Надежды Шустовой хорошо знакомый нам бумажный мешок с гранулированным суперфосфатом. Этикетка Воскресенского химкомбината: «Партия № 44-5».

Рядом с бригадиром стоит участковый агроном первой Михневской МТС Галина Николаевна Иванова. Она проверяет, правильно ли ведется сев: колхоз вносит гранулированный суперфосфат в рядки вместе с семенами — метод, который сулит высокий урожай пшеницы в нечерноземной полосе.

Кира Васильевна Глинкина, председатель артели «Путь к коммунизму»,— горячий поборник применения минеральных удобрений. В прошлом году урожай зерновых в колхозе составил в среднем 18 центнеров с гектара.

— В последний рейс! — обращается Кира Васильевна к трактористу.— С зерновыми покончили! — Лицо ее озаряется веселой улыбкой.

Трактор затарахтел и двинулся. В рядки вместе с семенами падали гранулы суперфосфата.

...Деревня Растуново, колхоз имени Фрунзе.

Нас встречает председатель колхоза Петр Евгеньевич Давыдов, о котором мы прослышали еще в дороге. Его знает вся округа.

Петр Евгеньевич прослужил 28 лет в армии, в войну был начальником штаба дивизии, а затем, после ранения, ушел в отставку полковником. Как-то судьба занесла его летом в Растуново. Здесь ему полюбилось приволье бескрайних полей, березовые рощи, багряные июльские зори. Надо было устраиваться на оседлую жизнь после долгих лет скитаний, и он избрал Растуново.

Прошло два года. Чувствовал себя Давыдов превосходно, только тоска по работе одолевала его все сильнее. Петр Евгеньевич заинтересовался колхозной жизнью, а затем незаметно втянулся в нее. Теперь ему полюбилась не только природа, но и люди, с которыми он жил рядом. Петр Евгеньевич активно участвовал в работе сельского совета. Его избрали вначале депутатом, а потом и председателем сельсовета. А год назад колхозники облекли Давыдова высоким доверием, поручив руководство колхозом.

— Бегаю по полю, как молодой, все болезни точно рукой сняло,— говорит о себе Петр Евгеньевич.

И действительно, когда мы приехали с ним на участок, где шла посадка картофеля, Давыдов стал легко переносить мешки к машине и долго копался в земле.

На поле работала квадратно-гнездовая картофелесажалка Рязсельмаша выпуска 1953 года. И снова увидели мы воскресенский гранулированный суперфосфат — партия № 44-5 пришла и сюда.

— В прошлом году колхоз достиг неплохих результатов,— говорит Давыдов.— В нынешнем надеемся собрать еще больший урожай. Строго соблюдаем агротехнику, правильно применяем удобрения. Спасибо, сосед помогает. У него учимся.

Он показал в сторону раскинувшихся рядом полей Центральной опытной станции Научно-исследовательского института удобрений, агротехники и агропочвоведения.

...Отделом удобрений опытной станции ведает Александр Николаевич Цой, кандидат сельскохозяйственных наук. Цой — кореец. Дед его некогда переселился в Россию. При советской власти высшее образование получил не только Александр Николаевич, но и его брат и сестра. Так внук корейского крестьянина стал ученым.

— О пользе удобрений вам расскажет наглядный экспонат,— говорит Цой.

Он приносит два снопа пшеницы, один из них большой, пышный, с крупными колосьями. Другой сноп значительно меньше по размеру и кажется хилым по сравнению с соседом.

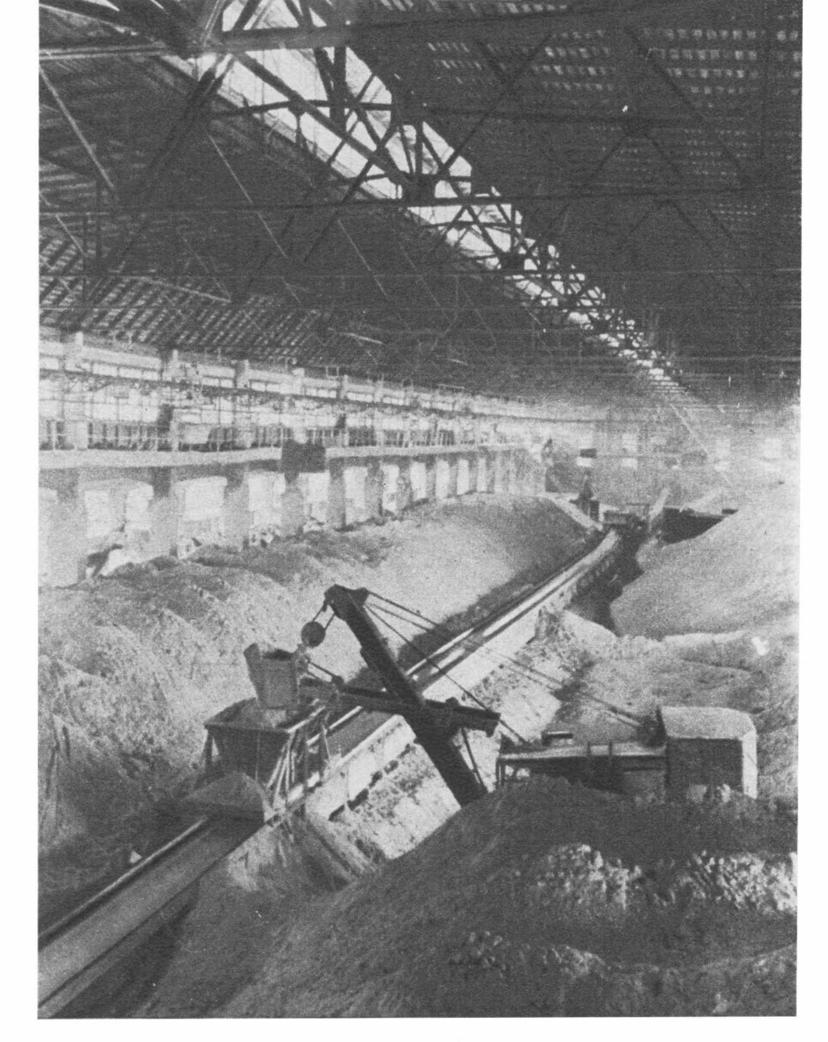
— И та и другая пшеница,— объясняет Александр Николаевич,— снята в прошлом году с опытного участка, но с разных делянок. Почва на них одинаковая, сеяли одной сеялкой, одними и теми же семенами, но, как видите, результаты получились разные. Большой сноп — с той делянки, в которую были внесены минеральные удобрения — суперфосфат, аммиачная селитра и хлористый калий. Урожай достиг 33 центнеров с гектара. Малый сноп снят с делянки, на которой минеральные удобрения не применялись. Ясно?

На полях станции работа не затихает допоздна. Научные сотрудники отмеривают участки, отбирают семена, готовят удобрения.

— Интересные цифры,— продолжает Александр Николаевич.— При внесении минеральных удобрений урожай яровой пшеницы увеличился на 6—8 центнеров с гектара, урожай картофеля — на 60—70 центнеров.

Действительно, красноречивые цифры!

Земля, обогащенная минеральными удобрениями, сторицей вознаграждает труд землепашца.

Впереди расстилалась огромная крытая площадь, на которой высились белые горы суперфосфата.

Квадратно-гнездовая картофелесажалка работает на поле колхоза имени Фрунзе. Председатель колхоза П. Е. Давыдов засыпает в машину гранулированный суперфосфат.
Фото Б. Вдовенко.

В туруханской

Казимир **ЛИСОВСКИЙ**

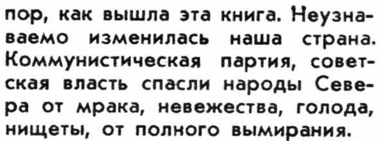
Фото П. Макарова и автора.

Передо мной лежит книга, изданная в 1908 году в Санкт-Петербурге. На обложке изображены два изможденных, потерявших человеческий облик остяка. Книга называется «По Енисею». Автор ее — В. В. Передольский. Написана она с горячим сочувствием к обманутым и безжалостно эксплуатируемым остякам енисейского севера. В предисловии автор писал: «Ряд очерков из быта енисейских остяков, собранных в настоящей книжке, обрисовывает страну и житье-бытье одного из инородческих племен Азии, завершающего свой жизненный путь и быстрыми шагами идущего к окончательному вымиранию».

Со страниц небольшой книги встают перед читателем картины бесчеловечного обмана, насилия, произвола, чинимого царскими опричниками и купцами над темными и забитыми людьми енисейского севера — добрыми, честными, необычайно смелыми охотниками и следопытами туруханской тайги. Автор указывает и географические пункты, в которых ему довелось бывать, и названия рек, по которым ему пришлось плавать. В частности, он упоминает реку Елогуй, рассказывая о жизни и быте остяков, живущих на ее берегах.

Писатель заканчивает предисловие криком отчаяния и боли, который в те годы не был, разумеется, услышан: «Кто в поле жив человек?! Отзовись!»

Сорок пять лет прошло с тех

пор, как вышла эта книга. Неузнаваемо изменилась наша страна. Коммунистическая партия, советская власть спасли народы Севера от мрака, невежества, голода, нищеты, от полного вымирания.

И мне захотелось узнать, как живут сейчас на берегах Елогуя, в глубине туруханской тайги, люди, которых раньше, до революции, презрительно именовали остяками и которые при советской власти стали называться по праву принадлежащим им именем — кеты. В переводе на русский язык «кет» означает «человек».

1

Вдали, со стороны тайги, показалось облачко снежной пыли. Постепенно оно росло, приближалось. Вот уже отчетливо видна упряжка оленей, уже можно различить человека с длинным хореем в руках, сидящего в теплом сакуе (зимняя меховая одежда) на санках. Упряжка стремительно промчалась по улице фактории Келлог и остановилась у крыльца пушно-заготовительного пункта.

С санок соскочил высокий кет. Быстро сбросив с себя меховую одежду, он взял несколько тюков тщательно перевязанных беличьих шкурок и направился в контору пункта.

Охотники, со всех сторон окружившие санки, наперебой приветствовали его:

— Семен, здорово!

— Бердников приехал. Ишь, сколько белки опять привез!

А Семен Бердников тем временем уже сдавал беличьи шкурки Григорию Селиверстовичу Попову, заготовителю пушнины. Радостно улыбаясь, охотник выбрасывал на прилавок конторы одну связку за другой. Вот уже весь прилавок завален серыми пушистыми шкурками, а охотник — стройный, худощавый, смуглый — выкладывает еще и еще. Доволен пушник:

— Молодец, Семен, опять план перевыполнил!

В оленьем стаде колхоза имени Ленина фактории Келлог.

Семен Васильевич Бердников — передовой охотник колхоза имени Ленина фактории Келлог, депутат Елогуйского кочевого совета. В прошлом году он выработал 643 трудодня и получил свыше одиннадцати тысяч рублей. На груди его значок «Отличника охотничьего промысла». А рядом медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Судьба Бердникова обычна для каждого кета, родившегося до Октябрьской революции. С детства начал охотиться Семен, но только при советской власти познал настоящую жизнь — счастливую, зажиточную. Живет он сейчас около озера Дында, в 150 километрах от фактории, в охотничьей палатке. Здесь тепло, уютно, удобно. Два окошка пропускают много света. Хорошо греет новая печка.

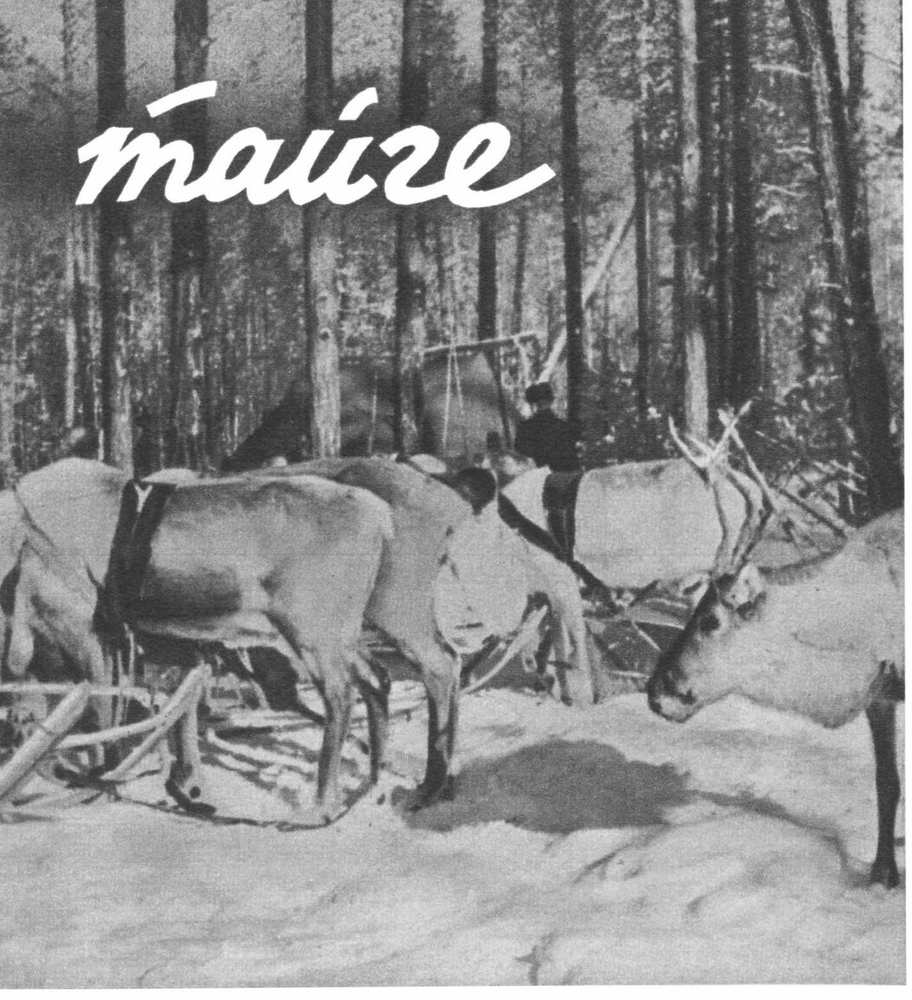
Ранним весенним утром, едва лишь поднимется солнце, Семен берет верную тозовку, становится на широкие камусные лыжи и уходит в тайгу на промысел. До позднего вечера бродит он по тайге, делая в день переходы по 20—25 километров. Бьет белку с дерева и только в голову, иначе шкурка будет испорчена. Глаз у него, как и у всех кетов, острый и зоркий. От него не укроется ни один пушной зверек, спрятавшийся в густых сосновых ветвях. Охотник почти ежедневно добывает не меньше пятнадцати — двадцати белок и часто переезжает с места на место в поисках более богатой добычи. А когда к вечеру Семен возвращается в свою охотничью палатку, дома его встречают тепло и уют. Жена Анна ставит на печку большой чайник с заваренным чаем, достает свежие, только что испеченные пресные лепешки, мясо. Семен устал, надо ему скорее поесть и отдохнуть.

...Бердников сдал шкурки и теперь вместе с друзьями-охот-

Молодая учительница-комсомолка Надежда Иосифовна Кривенченко ведет урок в келлогской школе.

тайге

никами шагает по улице своей фактории Келлог, раскинувшейся на высоком живописном берегу реки Елогуй, среди густых, вечнозеленых сосновых лесов. Радуется сердце Семена: большая стала фактория! Двадцать два дома вытянулись друг за дружкой, двадцать два дома келлогского национального колхоза имени Ленина — одного из самых отдаленных в Туруханском районе: отсюда 220 километров до ближайшего селения на Енисее — Верхне-Имбатского. Есть здесь семилетняя школа, интернат для детей охотников, метеостанция, магазин, клуб, врачебный участок, почта, молочная ферма, радиостанция, зверопитомник.

Семен гордится своим колхозом. На его глазах он рос, крепнул. Вдвое по сравнению с 1945 годом увеличился общий доход, составляющий сейчас 692 тысячи рублей. В три с лишним раза увеличилось поголовье оленей.

Бердникова догоняет старший пастух оленьего стада Василий Петрович Бальдин. Он тоже несколько часов назад приехал с речки Торос, где находится стадо колхоза. Четвертый год работает Василий Петрович старшим пастухом. До этого был охотником. Но общее собрание колхозников доверило ему стадо оленей.

Крепко пожав друг другу руки, охотник и пастух достают из карманов самодельные трубки, набивают их махоркой, раскуривают. С минуту молчат, затягиваясь крепким, сладковатым дымком. Потом Василий Бальдин обращается к Семену:

— Ты депутат, и тебе надо еще больше белки добывать, еще лучше охотиться. Верно я сказал?

Бердников кивает головой:

— Верно!

Так стоят они вдвоем — знатный охотник и знатный пастух, глядя вдаль, на белый, залитый солнцем Елогуй, на родную тайгу, освещенную золотистыми лучами.

И видится им в солнечных лучах завтрашний день колхоза — еще более радостный и зажиточный. Уже создан на фактории зверопитомник. Скоро колхоз получит большой приплод черно-серебристых лисиц. Скоро по большой воде привезут сюда из Туруханска локомобиль. Долгими морозными ночами в домах фактории Келлог будет ярко гореть свет...

Семен решительно вынимает изо рта трубку и выбивает золу.

— Однако в школу идти надо. Сына проведать, Радика. Давно не видел. Завтра опять в тайгу уеду.

2

Идет урок. Из огромных, широких окон льются в просторный класс потоки света.

Над раскрытыми книгами и тетрадями склонились дети охотников. Смуглые, с черными, как смоль, волосами, стриженными под ежик, они одеты в одинаковые костюмы.

Урок ведет преподавательница комсомолка Надежда Иосифовна Кривенченко. Два года назад приехала она сюда издалека, из Курской области, окончив там педагогическое училище. Сначала Наде показалось трудновато, но потом освоилась, привыкла и горячо полюбила свою северную школу, своих маленьких черноглазых питомцев. Все силы и знания отдает она их воспитанию. Кроме того Надя — еще и пионервожатая.

Сегодня урок истории: повторение пройденного материала. У классной доски стоит Павлик Котусов. Внятно, стараясь правиль-

Радостно улыбается Тимофей Семенович: сегодня удачный день!

Самолет привез почту на факторию Келлог.

но выговаривать русские слова, мальчик рассказывает о героической борьбе русского народа против иноземных врагов.

Из окон видно новое здание интерната. Скоро там поселятся двадцать девять мальчиков и тридцать одна девочка. Три раза в день дети будут получать хорошую, вкусную пищу: и свежее молоко, и масло, и овощи, и сласти. Пока что ребят разместили в двух классах школы. В больших залах стоят детские кроватки, застланные чистыми простынями, одеялами.

Да и сама школа новая. Еще недавно ребята занимались в старом здании, находящемся в 3 километрах от фактории. Строительство новой школы началось в апреле 1951 года. Большое участие в стройке приняли охотники.

Педагоги — самые уважаемые на селе люди. Они руководят сельским лекторием, вечерней школой для взрослых, в которой занимаются работники правления колхоза и кочевого Совета. Для детей организовано много кружков: литературный, физико-математический, драматический, физкультурный.

...Звонок! Занятия окончились. Ребята направляются в общий зал. Тут начинаются игры, развлечения.

Пионера, ученика шестого класса, Борю Дибикова окружили товарищи. В который раз они слушают рассказ Бори о его прошлогодней экскурсии в Москву. Мальчик сообщает все новые детали и попрежнему волнуется. Да и как не волноваться, когда вспоминаешь дни, проведенные в столице, метро, Красную площадь, Мавзолей!

Ребята слушают Борю — и перед глазами их возникает далекая, но близкая сердцу Москва. Смотришь на этих черноволосых, смуглых детей и думаешь: вот они, будущие преобразователи родного сурового Севера! Светлая у них жизнь впереди. Все дороги перед ними открыты. Выбирай любую. Лишь бы эта дорога была прямой, честной, ясной дорогой советского человека, строящего коммунизм!

3

Широкой белой лентой извивается меж высоких берегов река Елогуй, впадающая в Енисей. Летом сотни километров надо плыть по ней, чтобы добраться до ближайшего селения. Добыча белки — основной промысел людей, живущих на берегах Елогуя,— кетов и селькупов.

Сказочно красива елогуйская тайга. Глухо шумят вековые, исполинские сосны. Чем дальше на север, к Енисею, тем тоньше и приземистее становятся сосны, тем чаще попадаются березы, лиственницы, окутанные серым мхом, похожим на клочья дыма.

Глубокие снега в тайге. По грудь проваливается в них сохатый. Нетронутые, они слепят глаза своей белизной. Тянутся в два ряда по этим снегам следы широких охотничьих лыж. То охотники-селькупы братья Ириковы вышли на промысел белки.

Старшему из них, Павлу Семеновичу, недавно исполнилось семьдесят четыре года. Больше шестидесяти лет он провел на охоте. Недаром за быстроту в ходьбе, за проворность ему и имя селькупское дали — «Нора», что в переводе означает «Журавль». Так это имя и осталось за ним И чаще всего его зовут «Павел-Нора».

Долго тянутся рядышком следы широких охотничьих лыж, а потом расходятся в стороны: один — на восток, другой — на север. Значит, братья направились в свои излюбленные промысловые места.

...Тоненькой цепочкой вьется след маленького зверька. Словно кто-то мелкой, узкой прошвой прострочил сугробы. Белка пробежала! И сразу же возникает другой след — широкий, лыжный. Бегут они рядом, эти два следа.

Выстрел!.. Серым комочком падает на сугробы пушистый зверек. Шестнадцатая белка! Радостно улыбается Тимофей Семенович Ириков. Сегодня удачный день. Светит солнце. Глаза хорошо видят. Оттого и выстрел получился такой меткий.

Так до позднего вечера, пока не закатится солнце, пока лиловые сумерки не окутают тайгу, ходят братья на камусных лыжах по родной тайге, которую знают они вдоль и поперек. Ходят в поисках белки, «мягкого золота». Часто палкой выстукивают они сосну, чтобы спугнуть притаившегося в ветвях зверька, а потом, увидев его, бьют из тозовки. И когда уже вокруг пояса, которым перехвачена парка (верхняя меховая одежда), некуда вешать белок, возвращаются домой.

Но и по пути к чуму они не сводят глаз с сугробов. Такая уж привычка у охотников северной тайги! Вскоре они замечают чьи-то большие, глубокие следы. Крупный зверь прошел; проваливался он в мягком, рыхлом снегу. «Сохатый прошел. Больше некому, — решают старые охотники. — Надо завтра пойти вдогонку за ним».

4

В бригаду охотников-селькупов приехал массовик красного чума, комсомолец, кет Сергей Тыганов. Он привез с собой свежие газеты и журналы, несколько дней назад доставленные самолетом на факторию Келлог. Собрав людей в кружок, он записывает данные об их охоте за последние месяцы. Результаты хорошие. Павел Семенович вместе с сыном Петром добыл несколько сот белок. А Тимофей Семенович — еще больше. Впрочем, у него и охотников больше: сын Тихон, племянница Маруся.

Только один Витя, четырехлетний сын Тимофея Семеновича, не принимает участия в беседе. Он играет со своим любимцем — белым оленем-вожаком. Через два года Витю отвезут на факторию Келлог, за 50 километров отсюда, и отдадут в интернат.

Комсомолец Сергей Тыганов развертывает «Правду» и читает людям, собравшимся в чуме, новости с Большой земли, международную информацию.

С интересом слушают охотники сообщения о борьбе народов за мир. И, как бы угадав их заветные думы, Павел Семенович говорит:

— Война худо, шибко худо. Советский Союз ни на кого не лезет. Какой нам толк из войны? Нам самим земли хватает. Чужой не надо. Э-э-э, нет! Не надо! Войны не будет — хорошо! Не надо войны. Довольно. Сейчас жить лучше стало. Товаров много. Вот я старый, а хочется не отставать от молодых, белку хочется побольше добывать. Так я говорю, Тимофей, или нет?

— Так.

Беседа окончена. Братья-охотники берут свои винтовки, повязывают по национальному обычаю головы платками, становятся на лыжи и опять уходят на целый день в тайгу.

И опять по чистым, нетронутым, пышным мартовским снегам тянутся широкие следы двух пар лыж. Тянутся рядышком, чтобы потом разойтись в разные стороны.

Туруханский район. Март.

Массовик Сергей Тыганов привез в чум охотников-селькупов свежие газеты и журналы.

Четырехлетний Витя играет со своим любимцем — белым оленем.

Лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» председатель Всеиндийского Совета мира **Сайфуддин Китчлу.**

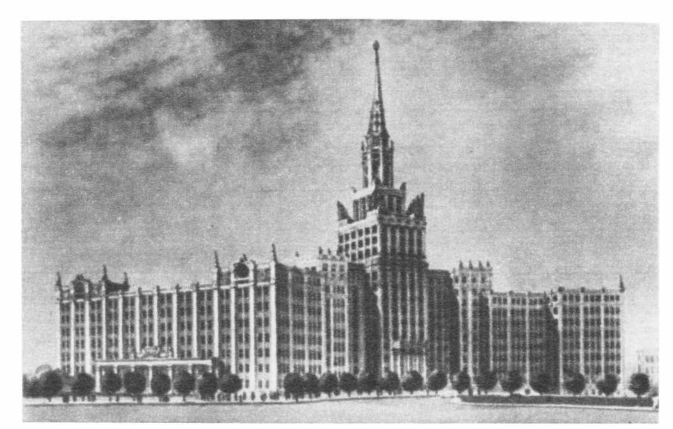
Фото Е. Умнова.

Лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» деятельница Федерации бразильских женщин Элиза Бранко.

Фото Дм. Бальтерманца.

Высотное здание в Харькове

Проект высотного здания Харьковского государственного университета имени А. М. Горького.

Опыт строительства Дворца науки в Москве во многом определил работу проектировщиков, конструкторов, строителей высотного здания Харьковского государственного университета.

Объем строящегося здания — 311 тысяч кубометров. Актовый зал на тысячу мест, кабинеты и лаборатории, студенческое общежитие на 600 человек, два спортивных зала, обширная столовая, кабинеты для профессоров и преподавателей — все это разместится в корпусах высотного дома.

Центральная часть здания, венчаемая шпилем, будет достигать высоты 28 этажей. С четвертого по двенадцатый этаж расположится Центральная научная библиотека, насчитывающая свыше 2 миллионов книг, здесь же будут читальные залы, кинофицированные и радиофицированные аудитории.

Коллектив архитекторов харьковской группы «Гипровуза», возглавляемый автором проекта архитектором В. П. Костенко, при участии архитекторов И. Д. Ермилова, И. Я. Жилкина и других удачно разрешил все проблемы, связанные с сооружением крупнейшего на Украине здания.

Сейчас на территории стройки работают мощные экскаваторы и десятки самосвалов, готовя котлованы под новые корпуса. Ведется кирпичная кладка стен. Первую продукцию дают многочисленные цехи по выпуску стройдеталей.

З. КУЦЫЙ

Баку—Артем

Толпы народа собрались на открытие станции Артем.
Фото С. Кулишова.

Знатный бакинский машинист Гейдар Мусаев ведет поезд по новой 30-километровой линии: Баку — Артем.

Отделенный от Апшерона неширокой полосой Каспия, остров Артема стал крупным промышленным районом столицы Азербайджана. Еще в предвоенные годы остров превратился в полуостров: дамба соединила его с городом. Теперь Артем — новая станция Баку-Сабунчинской электрифицированной железной дороги.

Мелькают хорошо знакомые бакинцам станции — Фиолетов, Монтин, Кишлы, Степан Разин, Сураханы, Ени-Сураханы, Бины. Поезд замедляет ход и останавливается у ленты, протянутой над полотном. Станция Кала. Раньше поезда поворачивали отсюда к северу, в сторону дачного селения Мардакяны. Теперь перед ними открыт путь и прямо на восток — к морю, к острову Артема.

Короткий митинг с участием строителей, железнодорожников и первых пассажиров — нефтяников, отправляющихся на трудовую вахту. Перерезается алая лента. Главный кондуктор Мамед Мамедов дает свисток к отправлению первого поезда.

Поезд приближается к дамбе, соединяющей Апшерон с островом Артема. В море выстроилась целая флотилия катеров, буксировщиков. Нефтяники, отправляющиеся на Нефтяные камни и остров Жилой, провожают поезд громким «Ура!»

А. КИКНАДЗЕ

Люпин — зеленое удобрение

Колхозы Броварского района снабжают Киев картофелем и овощами.

Как повышается плодородие подзолистых, песчаных и супесчаных почв украинского Полесья?

С этим вопросом мы обратились к главному агроному отдела сельского хозяйства в Броварском районе на Киевщине Василию Григорьевичу Торгунскому.

— У нас широко применяется посев люпина на зеленое удобрение,— сказал В. Г. Торгунский.— Урожайность зерновых и других культур, посеянных по люпиновому пару, заметно повышается. Картофель, например, посаженный по пожнивному люпину, дал 170—180 центнеров с гектара, на 50—60 процентов больше, чем на тех участках, где вносились иные удобрения!

Люпин — бобовая культура, в большом количестве содержащая белок. Он повышает плодородность бедных полесских почв. В Броварах подсчитали, что как удобрение зеленая масса люпина с 1 гектара равна 40 тоннам навоза.

Обычно люпин имеет в своем составе ядовитые вещества — алкалоиды, что не позволяет использовать его как корм. Но советские ученые вывели новые кормовые сорта люпина.

В. Г. Торгунский рассказывает, что в годы фашистской оккупации посевы люпина в Броварском районе были целиком уничтожены; колхозам пришлось наново восстанавливать семеноводство.

— Нынешней весной мы уже богаты семенами. Посевы люпина ведутся на многих тысячах гектаров и на зерно, и на зеленое удобрение, и на корм.

Василий Григорьевич показывает множество писем, поступающих в Бровары из Воронежской, Ярославской, Вологодской областей, из Сибири и Подмосковья.

Агроном Ф. Д. Наливайко из Павлоградского района, Омской области, благодарит за полученную посылку: семена и брошюру, посвященную опыту броварских колхозников.

Председатель колхоза «Красная звезда», Селивановского района, Владимирской области, И. Зверьков просит выслать 5—10 килограммов семян безалкалоидного люпина и, в свою очередь, предлагает семена люпина многолетнего.

Так, обмениваясь опытом, передовики сельского хозяйства борются за повышение плодородия почвы.

В. ШУМОВ

В. Г. Торгунский и агроном колхоза имени Хрущева О. Н. Холод осматривают посевы пшеницы, высеянные по люпиновому пару.
Фото Н. Козловского.

Венгерские кинофильмы

Поэма Михая Фазекаша «Лудаш Мати» появилась в эпоху австро-немецкого владычества в Венгрии, после разгрома французской революции 1789 года. Жизнь в стране замерла, малейшее проявление свободомыслия в эти мрачные годы кончалось тюрьмой или эшафотом. Но то было затишье перед бурей: с каждым днем зрела ненависть крепостных крестьян против своих угнетателей — помещиков.

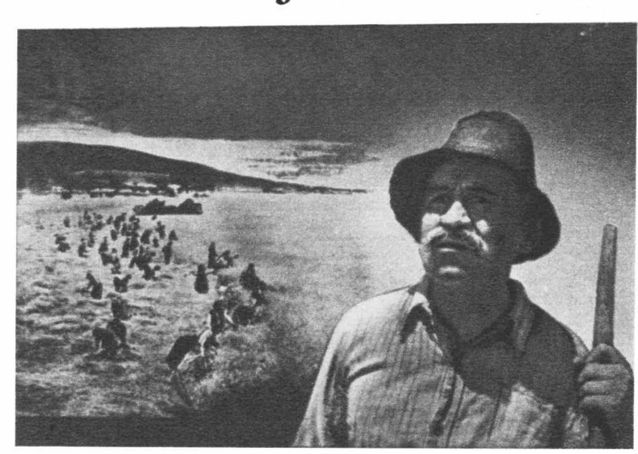
По мотивам поэмы М. Фазекаша создан цветной художественный фильм «Случай на ярмарке» [1], который сейчас показывается на третьем венгерском кинофестивале в Советском Союзе.

Мати Лудаш, крепостной помещика Дебреги, отправляется на ярмарку продать гусей и купить подарок любимой девушке. Однако подарок, купленный Лудашем, приглянулся дочери помещика Дебреги, и Лудаша за его непокорство жестоко наказывают плетьми. Сполна вкусив плоды дворянской «справедливости», крепостной клянется отплатить сторицей: трижды заставит он помещика испытать те же муки. Отважный, находчивый Лудаш выполняет свою клятву, сделав Дебреги посмешищем всей Венгрии. Имя Лудаша становится символом борьбы крепостных крестьян за свое освобождение.

На основе этого несложного сюжета фильм воссоздает картины произвола дворян и бесправия крепостных, разоблачает жестокость, цинизм, духовное убожество дворянства.

Главные роли — Мати Лудаша и его невесты — исполняют Имре Шош и Терез Хорват, представители молодого поколения венгерских кинематографистов. Суровая школа жизни (до освобождения Венгрии оба молодых актера работали батраками) помогла им создать правдивые образы.

С момента национализации венгерской кинопромышленности ее работники накопили большой опыт, ежегодно выпуская десятки художественных, документальных и научно-популярных фильмов. Центральное место в венгерском киноискусстве занимают фильмы, посвященные созидательной деятельности народа, строящего социализм. Новые герои — рабочие, крестьяне, интеллигенция, люди свободного и счастливого труда — прочно заняли венгерские киноэкраны.

«Буря». Справа — крестьянин Петер Гилице (Й. Бихари), новый председатель артели.

«Каждое зерно нового урожая — это еще одно усилие в борьбе за мир»,— говорит Мария Чонка, одна из героинь нового цветного художественного фильма «Буря» [2], рассказывающего о жизни современной венгерской деревни.

Буря... Потоки воды хлынули на поля сельскохозяйственной артели. Огромные массивы хлебов полегли — урожай под угрозой. Этим решают воспользоваться враги: они предлагают перепахать поля, отказаться от попытки спасти урожай, так как он все равно застрахован, и государство возместит убытки. Но передовые люди — секретарь парторганизации и директор МТС — разоблачают антигосударственную деятельность врагов, мобилизуют крестьян на уборку.

Писатель Эрне Урбан, по сценариям которого были поставлены фильмы «Пядь земли» и «Боевое крещение» (отмеченные Премией Труда на международных кинофестивалях в Чехословакии), вновь обратился к хорошо знакомому материалу — трудовым будням венгерской деревни. В острой манере, присущей творчеству Э. Урбана, фильм показывает, как в борьбе с пережитками в сознании крестьян под руководством Венгерской партии трудящихся рождается новое, творческое отношение к труду.

Актерский ансамбль во главе с режиссером З. Фабри создал целую галерею колоритных образов; среди них старый Петер Гилице (Й. Бихари), секретарь парторганизации Дюла Гендеч (Т. Молнар). С большой наблюдательностью охарактеризованы фигуры крестьян.

Третий фестиваль показывает, что кинематографисты Венгрии достигли больших успехов.

Л. БЕЛОКУРОВ

[1] «Случай на ярмарке». Сценарий Д. Синетара. Режиссеры — К. Надашди, Л. Раноди. Оператор — Б. Хедьи.

[2] «Буря». Сценарий Э. Урбана. Режиссер — Золтан Фабри. Оператор — Д. Иллеш.

УТРО В ПОДМОСКОВНОМ КОЛХОЗЕ

Фото Я. Рюмкина.

Около правления колхоза имени Молотова.

Это могло только показаться Зое Михайловне Королевой, что встала она раньше всех в колхозе. Так и случилось бы, если б одну ее ждали неотложные весенние дела. Шестой час утра. В пойме Москвы-реки начинал таять и оттого колыхался негустой туман. Шоссе, устремившееся к Москве, было еще пустынно, только одна машина проскочила мимо Королевой. Машина оставила на асфальте черный сырой след.

Зоя Михайловна пришла на свое парниковое хозяйство первой. Но уже через три минуты появилась одна колхозница, потом другая, и вскоре собрались все, кому было положено работать на парниках. Сегодня нужно продолжать пересадку ранней капусты из парников на поля, в грунт. Этому предшествовала большая и кропотливая работа. Началась она еще в те месяцы, когда поля и сады колхоза имени Молотова, Раменского района, были занесены глубоким снегом. Парниковое хозяйство здесь немалое — около двух тысяч рам. Под рассаду капусты, под помидоры и огурцы нужно было сделать ни много, ни мало — полтора миллиона торфо-перегнойных горшочков.

Потом среди глубоких сугробов расчистили котлованы, и под косым февральским солнцем сверкнули застекленные рамы. Вскоре под ними зазеленели всходы. Кругом снег, по ночам еще зайцы забегают в сады, а зелень сквозь стекла пьет да пьет себе солнышко, набирается сил.

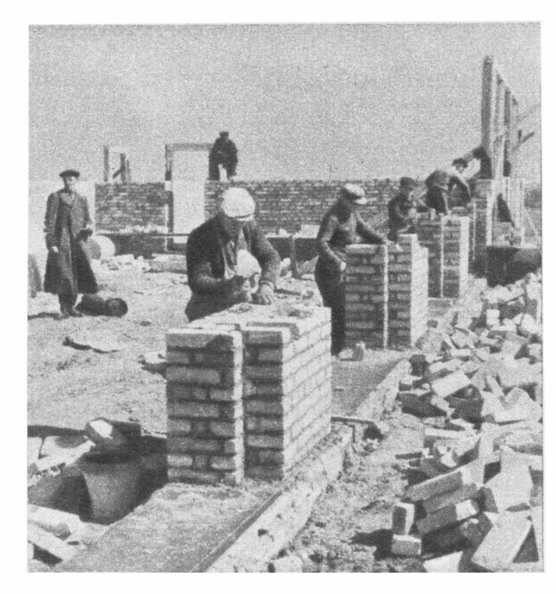
...Теперь настала самая горячая пора: рассаду, эти многие сотни тысяч горшочков, нужно бережно перевезти на поле и расставить там в грунт. Поэтому и старалась Зоя Михайловна встать раньше всех. Но еще по пути на парники видела она, как проехала на велосипеде Вера Николаевна Стогова, хозяйка молочно-товарной фермы; как, не торопясь, прошел механик фермы Николай Яковлевич Кунцевич.

Николай Яковлевич направился в кормоцех. Цехом это помещение названо неспроста: здесь все механизировано, как и вообще на ферме. Транспортер подает из подвала картофель. Мнет его тоже машина. Слышно, как рядом работает зернодробилка. В специальных камерах запариваются сухие корма. Шесть часов утра — время «завтрака» на ферме.

...Не позже других поднялась и самая молодая свинарка колхоза — Валя Ганина. Здесь работала и ее мать. Валя с детства помогала ей во всем, а теперь уже пятый месяц, как она сменила мать.

Четырнадцать свиноматок закрепили за Валей. От них уродилось 111 маленьких забавных поросят. А это — уже солидное хозяйство, и нужно, чтобы все остались живы, потому что в колхозе имени Молотова вообще не знают, что такое отход молодняка, будь то телята,

Под стеклянными рамами крепнут, набираются сил всходы капусты, огурцов, помидоров.

Строится каменный гараж на восемь автомашин.

ягнята, поросята или кролики. Чистота на ферме поразительная. Пол бетонирован, вдоль помещения проложена подвесная дорога; по ней развозят корм, и по ней же вывозят навоз. Коровы — а их в колхозе 160 — перед дойкой «пользуются» душем. Потом их посменно поведут в доильный зал. Здесь действует электричество. Дояркам остается только наблюдать, как струится по стеклянным трубам белая парная жидкость, как гуляет она в молокосборниках. Коровы привыкли к электродойке, это им «нравится». Если случайно получится перебой с электричеством, не так-то легко подоить корову обычным способом.

На полях колхоза работает картофелесажалка. На снимке: колхозница Надя Леонтьева засыпает в машину удобрение.

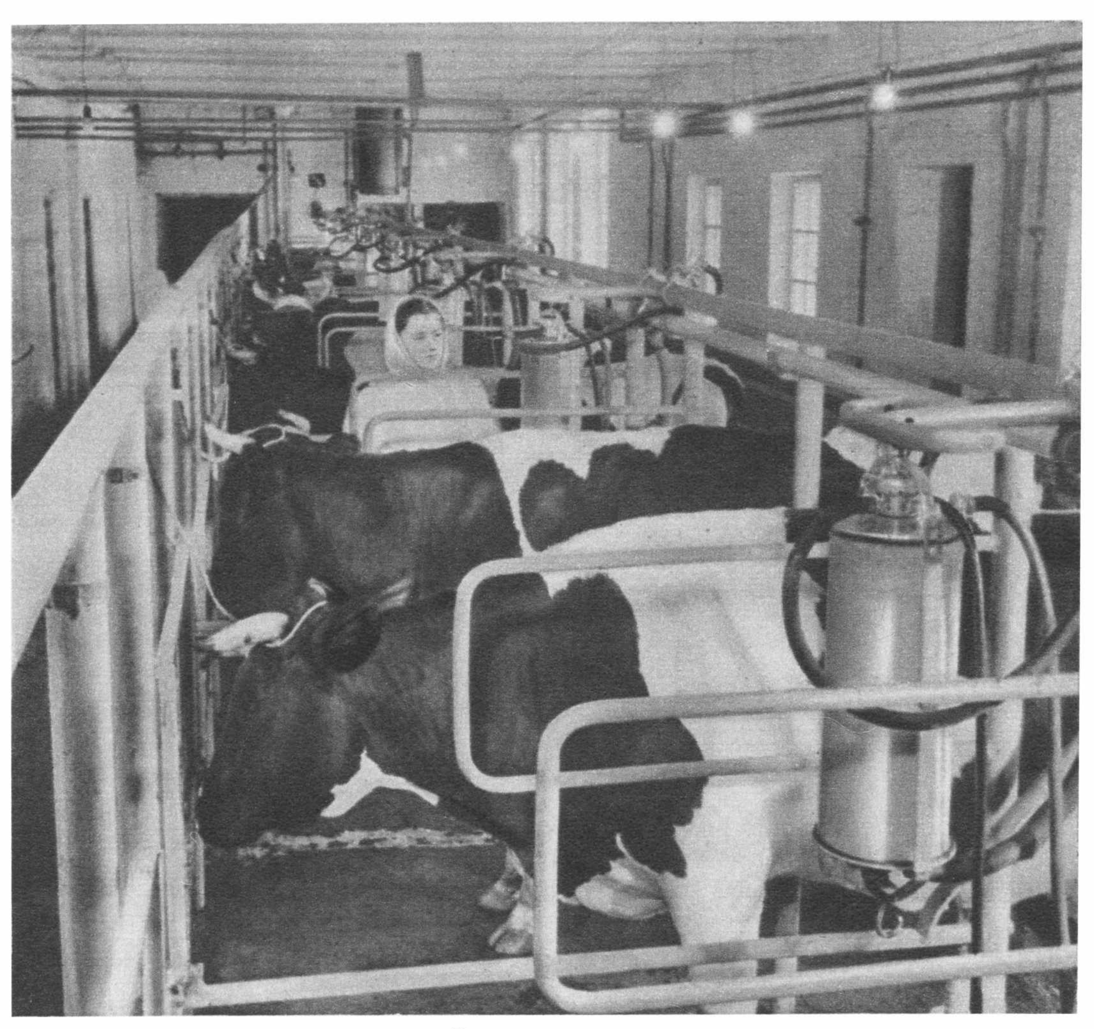
Сотни тысяч горшочков нужно бережно перевезти на поле и поставить в грунт. На снимке: парниковод З. М. Королева и агроном П. М. Усачев на поле ранней капусты.

Каждый день к вечеру подводят итоги.

Общий вид животноводческой фермы.

В доильном зале.

Она беспокоится и, по выражению одной из доярок, бьет ногами, словно лошадь. Коров здесь не пасут, их гоняют на прогулки. Колхозники давно уже убедились, что стойловое содержание коров гораздо экономичнее. Эту ферму хочется назвать фабрикой по выработке молока, мяса.

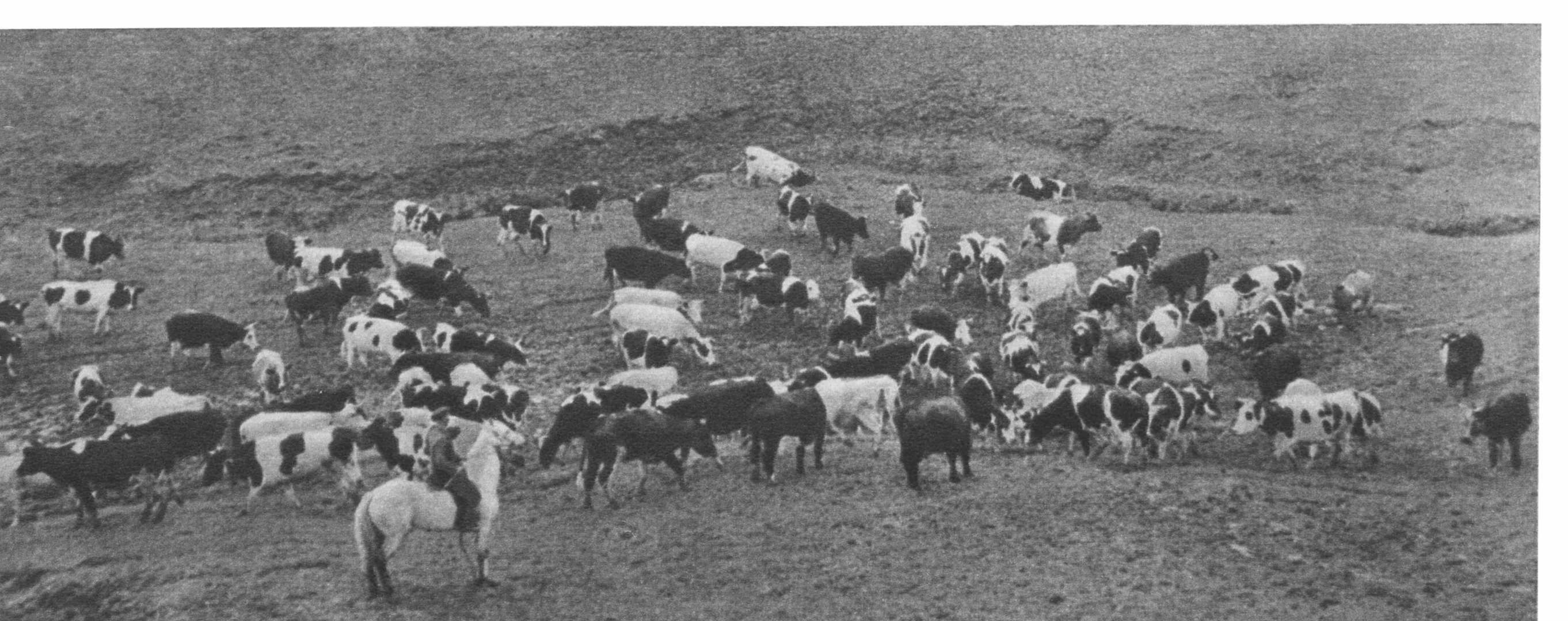
...Вместе со всеми направилась на свои участки и самая веселая бригада в колхозе — садоводческая. Бригадиром там бойкая девушка Женя Пивоварова. Агроном по специальности, она приехала в колхоз в конце марта, в дни, когда Подмосковье освобождалось от снегов. Ей сразу же стало ясно, в какой крепкий колхоз попала она. От глаза агронома не ускользнуло, что все отрасли хозяйства — и овощеводство, и животноводство, и полеводство — идут ровно, не отставая одна от другой. Вывод отсюда Женя могла сделать только один: садоводство тоже не должно отставать!

Еще не распустились почки на яблонях, когда Женя вывела свою бригаду на подрезку и формировку крон. Казалось бы, и жалко отхватить ветку с десятками набухших почек: ведь живая, будет цвести! Но ножницы садовода беспощадно стригут все лишнее. Это окупится: яблоня будет сильнее. Нужно позаботиться и о том, чтобы осенью сучья были как можно устойчивее под тяжестью плодов.

В хозяйстве Пивоваровой не только одни яблони, есть там и вишня, и крыжовник, и смородина, черная и красная, есть и около пяти гектаров земляники. А вчера привезла Женя в колхоз рассаду «Виктории». Ее нужно как можно быстрее высадить в почву.

...Кто действительно раньше всех поднялся сегодня,— это председатель колхоза Николай Иванович Пузанчиков.

Колхозное стадо на прогулке.

Верхом на лошади (Николай Иванович не любит ездить в «Победе», хотя она в колхозе есть) он объезжает свое хозяйство. Председатель побывал и на парниках, и на ферме, и в бригаде Жени Пивоваровой. Завернул также к строителям нового каменного гаража на 8 автомашин, а потом повернул коня в поле, туда, где гусеничный трактор тащил картофелесажалку.

Часто спрашивают у Николая Ивановича, почему дела в его колхозе идут лучше, чем, например, в соседнем (в прошлом году доход колхоза имени Молотова составил три с лишним миллиона рублей).

— Что ж, пусть приходят, учатся, не за горами живем, не особую землю пашем, — отвечает в таких случаях Пузанчиков. — И люди у нас обыкновенные, замечательные советские люди, умеющие и любящие трудиться.

В. Алексеев

Женя Пивоварова.

Дружно и весело работает садоводческая бригада.

РЕЙС

Шесть дней с зарубежными делегациями

К. НЕПОМНЯЩИЙ, А. ГОСТЕВ, Е. ТИХАНОВ

Специальные корреспонденты «Огонька»

Делегаты более чем тридцати стран приехали в Москву на празднование 1 Мая. После праздников специальный поезд с делегатами отправился в Сталинград. Мы совершаем вместе с ними путешествие к Волге и Дону.

Перрон Казанского вокзала. Посланцы Нидерландов, взволнованные предстоящей поездкой, горячо обсуждают маршрут: Москва — Сталинград — Волго-Дон — Цимлянское море — Калач — Москва (фото 1).

Как только поезд тронулся, в купе второго вагона завязалась беседа делегатов Италии с проводником Никифором Федоровичем Поповым (фото 2).

— Сколько лет вы работаете на транспорте? — спрашивает глава делегации Клаудио Меллони.

— Двадцать пять.

— Дети есть?

— Да, дочь. Учится в педагогическом институте.

Роберто Террачини во время беседы зарисовывает железнодорожника, успевая одновременно задавать ему вопросы.

— Я как художник,— говорит он,— заметил большую тягу советских людей к культуре. Интересно,— обращается Террачини к Попову,— бываете ли вы в музеях?

— А как же!— отвечает Никифор Федорович.— Такие богатства в наших музеях, что грешно было бы не познакомиться с ними...

...Поезд мчится на юг. Известная бразильская поэтесса Лила Риполл читает стихи своим друзьям:

Я думаю о тех, кто пал,
Чтобы поднялся новый
Сталинград...
На станциях нас встречает
народ
Со словом мира на устах...

И действительно, на станциях Россошь, Лиски, Глубокая поезд с зарубежными делегатами встречали тысячи людей. Завязывались дружеские беседы, стихийно возникали митинги — речи произносились прямо с подножки вагона.

Цветами, дружескими приветствиями встречал Сталинград гостей из зарубежных стран (фото 3). На многолюдном митинге, состоявшемся на перроне вокзала, с взволнованной речью выступил глава немецкой делегации Отто Функе. Передав привет сталинградцам от имени трех миллионов членов Общества германо-советской дружбы, он сказал:

— Мы потрясены тем, как сердечно и радушно принимает нас Сталинград. Имя вашего города стало символом освобождения всех народов. Советская страна открыла и перед Германией новые пути к миру, счастью и благосостоянию.

Последние слова главы немецкой делегации о том, что немцы никогда не поднимут оружия против великого Советского Союза, все сталинградцы и делегаты встречают горячими аплодисментами.

Представители разных стран в день приезда возложили венки у памятников отважным советским воинам, павшим в боях за Сталинград, за светлое будущее человечества (фото 4).

Трогательные сцены можно было увидеть на улицах Сталинграда в эти дни. Вот одна из них. Зарубежные делегаты обнимают и целуют сталинградцев (фото 5).

В Музее обороны Сталинграда собраны реликвии воинской славы. Гости останавливаются у пробитого пулями пулемета «Максим» из дивизии генерала Родимцева, у скульптур воинов, героически оборонявших город на Волге. Делегаты Бразилии внимательно слушают рассказ о славном пути легендарной 62-й армии (фото 6). Здесь же гости познакомились с участниками обороны Сталинграда и после осмотра музея вместе с ними вышли на улицу.

Генерал Аманолла Джахханбани из Ирана видит орденские ленточки на груди депутата Верховного Совета СССР сталевара И. П. Алешкина (фото 7).

— Вы воевали?— спрашивает генерал.

— Приходилось.

— Во многих боях участвовали?

— Во многих.

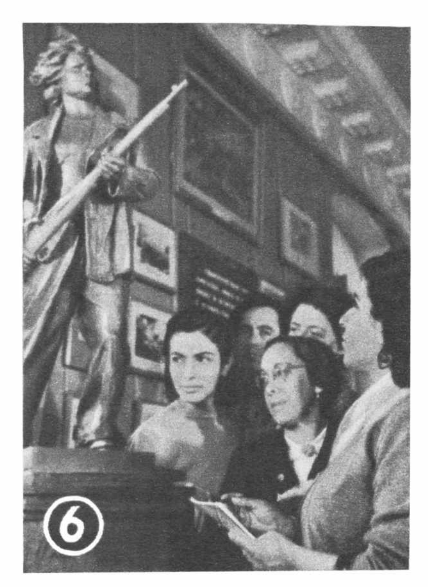
— А во скольких именно?

— Мы тогда, господин генерал, не считали.

— Это все ордена за войну?

— Нет, почему же, есть и за мирный труд.

— Восстановление Сталинграда началось в тот час, как умолкли пушки,— такими словами начал свою лекцию о строительстве Сталинграда и его перспективах главный архитектор города В. Н. Сибирцев.

На вопрос, когда будет завершено строительство Сталинграда, последовал ответ: «Город будет строиться всегда».

Видный советский специалист по вопросам мелиорации профессор В. А. Ковда рассказывал делегатам об оросительных работах, которые проводятся в нашей стране. На снимке мы видим профессора В. А. Ковда (слева), беседующего с рабочим К. Яноха из Западной Германии (фото 8).

— Жизненный уровень у вас все время повышается, а у нас, на Западе,— говорит немецкий рабочий с горечью,— он падает все ниже и ниже.

Делегаты прибыли на знаменитый тракторный завод. Снова дружеские беседы, снова вопросы. Они сыплются со всех сторон, и переводчики едва успевают переводить. Девушки окружили немецких делегатов (фото 9). В другой группе разговаривают с итальянскими рабочими.

— Как поживают наши тракторы, которые Советский Союз послал в Италию? — спрашивают рабочие.

— Очень хорошо,— отвечает рабочий Нальятти из Феррары. — Я сам их видел на полях. Это прекрасные машины, с большим запасом прочности.

— Сколько сейчас в Италии безработных?

— Свыше двух миллионов.

— Вечерние школы у вас в Италии есть?

— Таких, как у вас, нет. Тысячи и тысячи детей в школу вообще не ходят.

— Господин Хейрах, осторожно! Не поломайте трактора! — кричат, смеясь, делегаты.

Художественный руководитель театра Саади в Тегеране Хоссеин Хейрах взбирается в кабину водителя, чтобы вывести новый трактор с конвейера. Щелкают затворы фотоаппаратов и кинокамер, и новый трактор медленно выходит из цеха на заводской двор, где уже собрались рабочие и делегаты (фото 10).

Из цеха гости направляются в рабочую столовую. Они знакомятся с разнообразным меню, узнают о новых, сниженных ценах.

— Нельзя ли посмотреть, как выглядит обед в вашей столовой? — спрашивают бельгийские журналисты.

И вот на столе дымится горячий жирный суп, поданы котлеты, кисель. Бельгийцы пробуют. Очень вкусно! (фото 11).

Со смешанным чувством удивления и радости смотрели делегаты на шлюзы, арки, могучие сооружения Волго-Дона. На каждом шлюзе советские люди горячо приветствовали гостей (фото 12).

— Хорошо чувствовать себя одновременно на Волге и на Дону! — говорит Геир Ионассон, библиотекарь из Исландии.

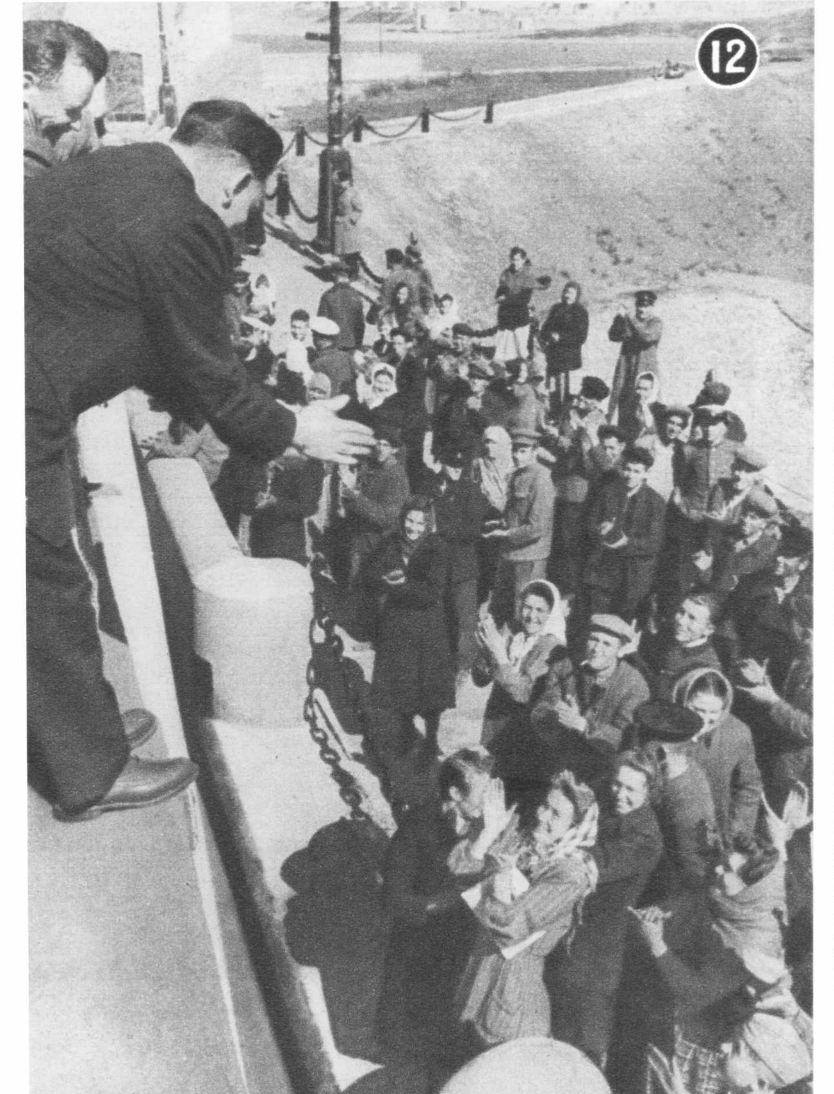
— Природа покорилась советскому человеку, — добавляет бразильский учитель писатель Жамес Амаду, брат известного борца за мир Жоржи Амаду.

— И у нас будет такое! — произносит горняк Густав Шольц из Германской Демократической Республики.

О чем беседуют, перебивая друг друга, делегаты в эти первые минуты знакомства с Волго-Доном?

Итальянцы говорят о бедствиях, приносимых разливами реки По, бразильцы — о голоде, охватившем огромные территории их родины, иранцы — о том, что не хватает влаги сухим иранским землям...

Пароходы, на которых гости совершают увлекательное путешествие, выходят на просторы нового Цимлянского моря. На борту парохода «Лермонтов» делегаты Исландии поют песню о своей северной стране, о своем далеком Рейкьявике.

Молодой иранский композитор Самин Багчебан вдохновлен тем, что видит вокруг себя. И он пишет песню, навеянную горячими сталинградскими встречами, плеском волго-донской воды. Первым его слушателем был советский композитор Вано Мурадели (справа) (фото 13). Он напевает вместе с молодым иранцем только что родившуюся мелодию и спрашивает:

— Как же вы назовете свою песню?

— «Привет Сталинграду!»

Привет Сталинграду! На разных языках слышались два этих слова. Они раздавались и во время остановки пароходов и на обратном пути из Калача в Москву. А в ответ доносились приветствия советских людей:

— Да здравствует мир! Да здравствует дружба народов!

П. Ф. Соколов (1791—1848). ПОРТРЕТ СКУЛЬПТОРА П. К. КЛОДТА.

Из акварельного фонда Государственной Третьяковской галереи.

В. И. Суриков (1848—1916). ПОРТРЕТ ДЕВУШКИ В КРАСНОЙ КОФТЕ. 1892 г.

Из акварельного фонда Государственной Третьяковской галереи.

В. И. Суриков. НЕАПОЛЬ. НАБЕРЕЖНАЯ. 1884 г.

ПОД ДОЖДЕМ В ДИЛИЖАНСЕ НА ЧЕРНУЮ РЕЧКУ. 1871 г.

Из акварельного фонда Государственной Третьяковской галереи.

П. Ф. Соколов. ПОРТРЕТ ЖЕНЫ СКУЛЬПТОРА И. П. ВИТАЛИ. 1838 г.

Из акварельного фонда Государственной Третьяковской галереи.

СЛУЖБА ВРЕМЕНИ

Рассказ

Александр РОЗЕН

Рисунки В. Высоцкого.

Когда Сереже Аксенову исполнилось двенадцать лет, он сделал важное открытие: городок, в котором Сережа родился и вырос, расположен на знаменитом Пулковском меридиане. Вернее сказать, Пулковский меридиан проходит через Чистов, как раз через Дом пионеров, где Сережа всю зиму занимался в кружке юных математиков.

Впрочем, математика сама по себе никогда Сережу не увлекала. По призванию он был астрономом и небесными наблюдениями начал заниматься еще в прошлом году. Тогда же им был сооружен телескоп. Конструкция его за это время менялась не раз, но основные элементы оставались неизменными: стекло из очков Екатерины Прокофьевны, сережиной мамы, лупа, подаренная Вовкой Меньшовым, другом и однокашником, и труба из плотного картона. Этот телескоп давал увеличение значительно меньшее, чем школьный, но зато был своим собственным астрономическим инструментом. Благодаря ему Сережа чувствовал себя независимым от десятиклассников, известных шутников и эгоистов.

Было немного обидно, что открытие сделано в каникулы. Преподаватели разъехались — кто на курорт, кто в область, на сессию заочников, а десятиклассники готовились к экзаменам в вуз и держались замкнуто. Сверстники Сережи с восторгом приняли его сообщение, но этого для славы было совершенно недостаточно: чтобы оценить открытие, надо понимать, какие трудные пути ведут к нему.

Определить меридиан, на котором ты находишься, или, как говорят астрономы, свою долготу, не так-то просто. Надо знать местное время и сравнить его с московским. Солнечные часы, по которым Сережа установил местное время, были вторым астрономическим инструментом его обсерватории, разместившейся в садике, среди розовых кустов, резеды и анютиных глазок, заботливо высаженных Екатериной Прокофьевной.

Отец Сережи погиб в первые дни войны, и Екатерине Прокофьевне пришлось самой воспитывать детей. Старшему уже было двадцать четыре года, он работал на крупной стройке в Сибири. Дочь училась в Москве, в Тимирязевской академии, и только Сережа был еще малыш, требовавший постоянного присмотра и материнского глаза.

К астрономическим увлечениям сына Екатерина Прокофьевна относилась не очень одобрительно. Такая самодеятельность хороша летом, а ведь Сережа и зимой торчит возле своей трубы. Шубейка-то у мальчика не ахти какая!..

Со своим Пулковским меридианом Сережа перебаламутил весь дом. Он упрекал мать в равнодушии, горько сетовал на отсутствие настоящей поддержки.

— Понимаешь, мама, Пулково — астрономическая столица мира, а наш Чистов на одном с ней меридиане! В Пулкове работают замечательные ученые. Например...

— Так ведь то в Пулкове, а не у нас в саду, — резонно замечала Екатерина Прокофьевна.

Сережа бормотал что-то о судьбах Галилея и Джордано Бруно и убегал в свою обсерваторию. Ложась спать, он мысленно представлял себе далекое Пулково. Маленький Чистов и астрономическая столица мира были теперь связаны надежно и нерушимо.

Приятель Сережи Вовка Меньшов не разбирался в астрономических тонкостях. В классе он считался видным специалистом по вопросам военной стратегии и тактики и в ответ на сообщение Сережи сказал коротко:

— Пулковская высота вполне надежна для обороны. В девятнадцатом году на Пулковских высотах разбили генерала Юденича, а в сорок первом — фашистов. Опорный пункт. Узел сопротивления.

Всего этого было для Сережи более чем достаточно, чтобы поставить перед матерью вопрос ребром: он должен побывать в Пулкове.

— Ведь это совсем недалеко, — убеждал он Екатерину Прокофьевну. — Всего восемнадцать километров от Ленинграда. Надо ехать по проспекту Сталина. А проспект Сталина как раз проходит по Пулковскому меридиану...

— Так ведь до Ленинграда больше тысячи километров!

— Одна тысяча! А знаешь ли ты, что до ближайшего нашего соседа, до Марса, больше пятидесяти миллионов километров?!

В конце концов Екатерина Прокофьевна втайне от Сережи списалась с дальней родственницей, двоюродной теткой мужа, давно живущей в Ленинграде. Ответ пришел быстро. Тетя Женя писала, что с радостью примет своего внучатого племянника и ждет его с нетерпением.

— Сережа, — сказала Екатерина Прокофьевна, — мне с тобой надо серьезно поговорить.

Сережа взглянул на мать, потом на конверт с ленинградским штемпелем и все понял.

— Значит, еду, значит, еду! — закричал он. — Ура!

Через несколько дней Екатерина Прокофьевна провожала сына. В день отъезда Сережа дважды бегал на автобусную станцию и узнавал, не опаздывает ли машина. До железной дороги было как-никак больше часа езды.

Вовка Меньшов тоже поехал проводить друга. В автобусе специалист по вопросам военной стратегии и тактики советовал Сереже побывать и в Артиллерийском музее и в Военно-Морском и вообще, как он выразился, «не теряться».

— На Пулковской высоте можно найти подходящий осколок от тяжелого снаряда. Возьмешь и привезешь с собой. Ясно?

На станции мальчики притихли. Пока Екатерина Прокофьевна вела дипломатические переговоры с проводником, друзья обменивались короткими замечаниями: «Экспресс... цельнометаллический... четырехосный... тормоз Матросова...»

По радио объявили, что до отхода поезда осталось пять минут. Сережа нахмурился и тихо сказал:

— Слушай, Вовка... Ты вот что... К маме моей заходи почаще...

— Будь спокоен! — уверенно отвечал друг.

Закончив переговоры с проводником, Екатерина Прокофьевна обняла сына. Слезы были очень близко, но она сдержалась.

— Вот деньги на дорогу, остальные я послала тете Жене по почте. В Пулково поедешь с экскурсией. Ну, ну, выше голову! Путешественники — люди отважные...

Через двое суток Екатерина Прокофьевна получила телеграмму от тети Жени: «Благополучно встретила Сережу. Очень рада. Мальчик похож отца и деда».

Тетя Женя тоже понравилась Сереже. Она сразу же прониклась уважением к его открытию.

— У нас в роду все были людьми любознательными, — рассказывала тетя Женя за вечерним чаем. — Мой отец, то есть двоюродный брат твоего деда со стороны отца, был изобретатель-самоучка, а его мать, то есть родная сестра деда твоего отца...

Сережа путался в сложном родстве, но одно было ясно: все эти двоюродные деды, зятья, свекрови и шурины были людьми толковыми и смелыми и, следовательно, усиливали его позицию.

И все же тетя Женя оказалась натурой не вполне целеустремленной. По ее плану Сережа должен был посетить и Эрмитаж и Русский музей и побывать в балете на «Коньке-горбунке» и в Театре кукол. Сережа был против такой разбросанности. Он приехал в Ленинград по делу. Ученый всегда должен помнить о главной своей задаче. В данном случае — это посещение Пулковской обсерватории.

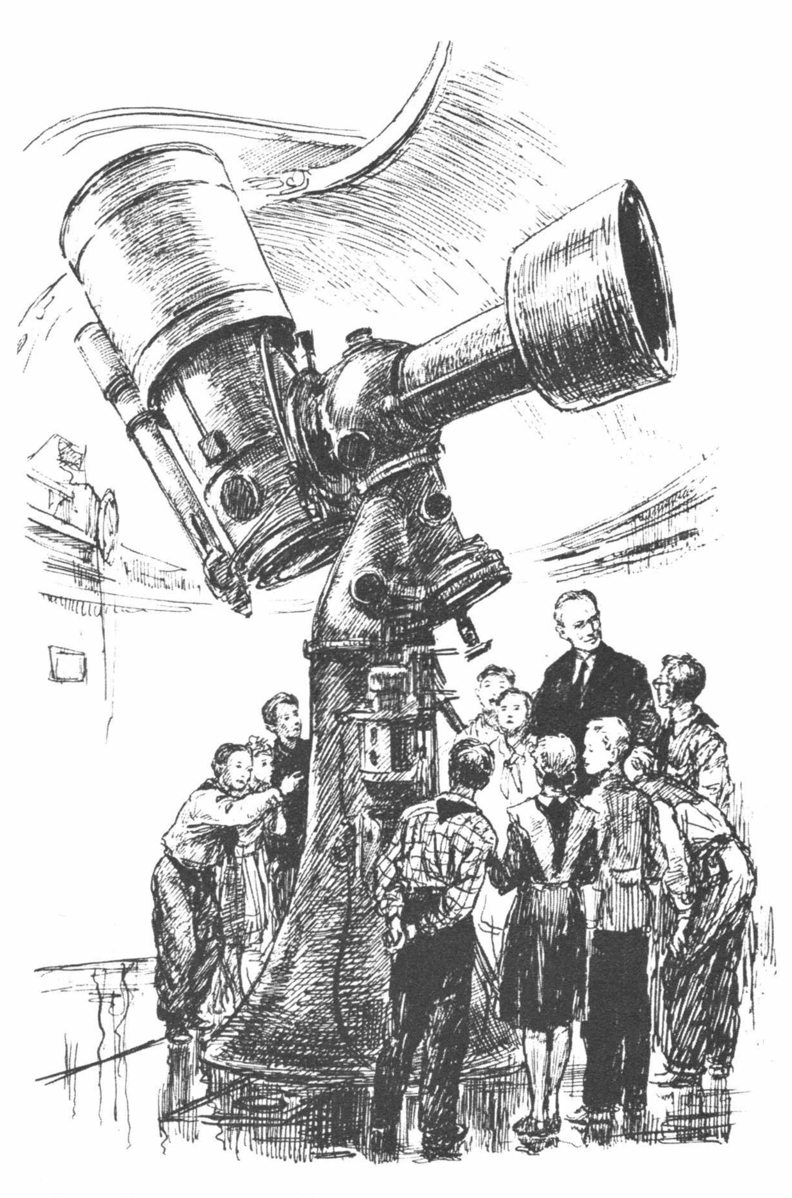
Они спорили до позднего вечера, и тетя Женя могла убедиться в железном характере своего внучатого племянника.

На следующий день сережин железный характер был подвергнут трудному испытанию. С утра Сережа с тетей Женей отправились во Дворец пионеров, и по пути было столько заманчивого, что он едва не забыл о главной задаче ученого.

На широкой площади памятник основоположнику города Петру I — Медный всадник, воспетый Пушкиным. Сережа не раз видел эту площадь на картинках. Здесь прозвучали выстрелы декабристов...

Адмиралтейство... У вовкиного отца на медали изображен этот шпиль с золотым корабликом... На другой стороне Невы старинное здание петровских «14 коллегий», университет, Петропавловская крепость, в казематах которой томились замечательные русские революционеры, а на самой Неве на вечном якоре стоит крейсер «Аврора».

Дворцовая площадь... Мраморная доска прибита к дому. Отсюда, гласит надпись, в но-

ябре 1917 года «В. И. Ленин вместе с И. В. Сталиным непосредственно руководили боевыми действиями против контрреволюционных войск».

Кончилось тем, что тетя Женя стала поторапливать Сережу: она сговорилась по телефону с руководителем астрономического кружка Григорием Макаровичем, и опаздывать неудобно.

Но и во Дворце пионеров у Сережи глаза разбежались. Великолепные залы, оборудованные для всевозможных игр, в красивых гостиных интересные выставки...

— Тетя Женя, смотрите, планетарий! Да вы не туда смотрите... Тетя Женя!

В этот день Дворец пионеров устраивал экскурсию в Пулковскую обсерваторию. Чистовскому астроному разрешено было к ней примкнуть. Тетя Женя тоже выразила желание ехать вместе с Сережей, но Григорий Макарович запротестовал:

— Я за ребят отвечаю. Не сомневайтесь, пожалуйста...

— Да, да, не сомневайтесь, пожалуйста, — сказал Сережа.

Григорий Макарович был еще совсем молодым человеком. Сережа представлял себе «настоящего астронома» стариком, убеленным сединами, с властным и проницательным взглядом из-под густых бровей. А у Григория Макаровича лицо доброе, взгляд веселый...

Молодость Григория Макаровича, кажется, озадачила и тетю Женю.

— Вы, наверное, еще учитесь? — спросила она.

— Учусь, учусь, — охотно подтвердил Григорий Макарович. — В прошлом году университет окончил, а сейчас в аспирантуре занимаюсь.

Тетя Женя не нашла, что ответить, и обратилась к Сереже:

— Пообедай здесь, во Дворце, а на вечер я сделала тебе бутерброды...

Кто-то из старшеклассников ехидно рассмеялся, и Сережа сказал:

— Ладно, ладно... Спасибо.

Сережа быстро перезнакомился с членами астрономического кружка. Соревноваться в знаниях могла с ним только одна девочка из шестого класса по имени Валя. И это удивило Сережу. Полненькая, розовенькая, в кудряшках, «настоящая девчонка», которой надлежит без запинки читать стихи на уроке и петь в школьном хоре... А ведь тут астрономия — наука точная, все время приходится иметь дело с цифрами...

Сережа решил приберечь свой главный козырь. То-то удивятся ребята, когда узнают, что город Чистов лежит точно на Пулковском меридиане!

Но по пути в Пулково, когда экскурсионный автобус выехал на проспект Сталина, Сережа все-таки шепнул своему соседу, флегматично жующему яблоко:

— Если ехать все прямо и прямо, так можно к нам в Чистов попасть...

Сосед прожевал яблоко и, зевнув, спросил:

— Чистов? Понятия о таком городе не имею...

— Ну, тогда знай, что...— начал Сережа, но во-время сдержался и замолчал.

— Ребята, — сказал Григорий Макарович,— мы подъезжаем к Пулкову. Сережа, не высовывайся из окна! И так все хорошо видно...

Но Сережу трудно было удержать на месте. Главное здание обсерватории с широкими куполами башен было видно отчетливо. Сережа забыл о том, что свою научную репутацию должен поддерживать солидным поведением. Он был счастлив. Цель его путешествия была совсем близка, и автобус, словно повинуясь Сереже, мчался все быстрее и быстрее.

В Пулковской обсерватории юных астрономов встретили очень приветливо. Научные сотрудники повели ребят осматривать знаменитые инструменты. Пока шли, Сережа внимательно смотрел себе под ноги: он помнил вовкин совет «не теряться» и привезти в Чистов осколок тяжелого снаряда. Но аллеи были аккуратно расчищены, под ногами мягко шуршал промытый гравий, там и здесь пестрели пышные клумбы, и только на склонах Пулковской высоты еще сохранились следы войны — обгоревшие деревья со срезанными верхушками. На всякий случай Сережа обломил черный хрустящий сучок и спрятал его в карман. Больше он не мог уделить времени «опорному пункту и узлу сопротивления». Павильонов с астрономическими инструментами было очень много, и Сережа ревниво следил за тем, чтобы ни один из них не был пропущен.

— А Зенит-телескоп? — с нетерпением спрашивал он Григория Макаровича. — Мы еще не видели Зенит-телескопа...

— Сережа, дорогой, увидишь и Зенит-телескоп. Не волнуйся, ты все увидишь.

— А Большой вертикальный круг? — полчаса спустя спрашивал Сережа.

Григорий Макарович засмеялся:

— Вот это контролер!

С этого момента за Сережей укрепилось прозвище «контролер».

— Ну, контролер, что еще надо нам посмотреть?

— Астрограф,— уверенно отвечал Сережа.

Был показан и астрограф, и коронограф, и менисковый телескоп. Но каждый раз, когда сотрудник обсерватории открывал дверь нового павильона, Сережу охватывало нетерпение.

Особенно понравился ему большой Пассажный инструмент, установленный неподвижно и прямо по Пулковскому меридиану. Сережа долго допытывался о подробностях его конструкции и даже попробовал срисовать на память. Григорий Макарович сказал:

— Недурно, недурно получилось, только слово «пассажный» пишется через два «с», учти, пожалуйста.

— Григорий Макарович, — упрашивал Сережа, — разрешите одним глазком взглянуть в окуляр!

— Что же ты увидишь? Ведь еще совсем светло.

— Ну, что увижу, то увижу...

Получив разрешение, Сережа прильнул к окуляру. Конечно, Григорий Макарович был прав. Ничего, кроме белого кружка и сетки линий, симметрично расположенных вокруг одной центральной, Сережа не увидел, но оторвать его от окуляра было не так просто. Эта черная нить — Пулковский меридиан — означала для Сережи очень многое. Она связывала его с родным городом, с Чистовским домом пионеров и маленькой обсерваторией, спрятанной между грядками резеды и розовыми кустами...

Наконец Григорий Макарович объявил, что осмотр закончен и в конференц-зале состоится встреча экскурсантов с известным астрономом, профессором Русановым.

— Который «Астрономию для детей» написал? — быстро спросил Сережа. — Тот самый?

— Да, тот самый.

Сережа задумался: встреча с профессором... Конференц-зал. Вот там-то он и сделает сообщение о своем открытии...

— Ты что такой бледный? — спросил Григорий Макарович. — Устал? А ну-ка доставай свои бутерброды...

Но Сережа решительно отказался: в такое время не до еды.

Профессор Русанов больше походил на того «настоящего астронома», каким его представлял Сережа еще в Чистове. Пожилой человек, с густыми бровями и проницательным взглядом. Говорил он негромко, да и незачем было ему повышать голос: ребята вели себя тихо.

Профессор интересовался, какие книги читают ребята, умеют ли пользоваться школьным телескопом, знают ли звездные карты.

«Пора... — думал Сережа. — Нет, подожду еще немного. Кто-то спрашивает, есть ли жизнь на Марсе. Глупый вопрос: разумеется, есть. Полненькая девочка Валя говорит, что мечтает стать капитаном дальнего плавания. Правильно, отвечает Русанов. Мореплавателям астрономия необходима. Теперь пора!..»

Сережа встал:

— Я умею определять долготу! Я открыл, что живу на Пулковском меридиане, то есть я хочу сказать, что Пулковский меридиан проходит через наш город.

— Молодец, — сказал профессор. — А ты сам откуда?

— Из города Чистова. Заставская улица, дом номер семь. А Пулковский меридиан проходит через Дом пионеров. Я по солнечным часам узнал местное время, сравнил его с сигналами времени по радио и определил свою долготу.

Ребята зааплодировали. Сережа слышал одобрительные возгласы. Розовощекая Валя сказала:

— Мы этого еще не проходили.

Триумф был полный...

Григорий Макарович подошел к профессору и что-то сказал ему.

Русанов сделал чуть заметный жест рукой, и в зале снова стало тихо. Профессор похвалил Сережу: определение долготы — дело очень важное. Не только мореплаватели, но и люди других профессий в этом заинтересованы. Например, летчики, геодезисты. Ведь ни одно строительство нельзя начать без предварительных геодезических работ. Верно понял Сережа и самый принцип определения долготы. Одного только не учел наш молодой ученый: местное время должно быть определено очень точно. Солнечные часы для этого не годятся. Здесь неизбежна ошибка, ну, хотя бы на одну минуту. А ведь это значит ошибиться больше чем на двадцать восемь кило-

метров. И следовательно, Пулковский меридиан не проходит через город Чистов...

Русанов встал, подошел к Сереже:

— Двадцать восемь километров... Где же тогда пройдет Пулковский меридиан?

— Если на восток, то через колхоз «Красный партизан», — едва слышно ответил Сережа.

Он был подавлен своей неудачей. Так осрамиться перед ребятами, перед Григорием Макаровичем! Его открытие, все, чем он так гордился, все насмарку... Профессор хвалит его только для того, чтобы смягчить удар. А что скажет мать, которая отпустила сына в Ленинград, поверив важному открытию? А Вовка Меньшов?

Сережа уже видел свое бесславное возвращение домой. Да и сам Чистов, удаленный от главной астрономической магистрали, как-то потускнел и поблек.

Всем было видно, что Сережа глубоко взволнован, но, пожалуй, только Григорий Макарович заметил, что взволнован и сам Русанов. Верный признак: он не сидит на своем месте, а расхаживает по залу.

Русанов рассказывал о том, как ученые научились определять точное время по звездам, а Григорий Макарович спрашивал себя: неужели же сережина неудача могла взволновать знаменитого астронома?

— В каждой большой обсерватории существует специальная служба времени, — продолжал Русанов. — Самые точные пулковские хронометры мы проверяем с помощью астрономических инструментов и ежедневно даем для страны поправку времени. Теперь мы учитываем тысячные доли секунды.

Русанов снова подошел к Сереже и взглянул на его огорченное лицо:

— Веселей, веселей, Сережа! Я ведь тоже свое знакомство с астрономией начал с ошибки!

— А вы расскажите нам, как это было! — смело попросила Валя.

— Что ж, я охотно... Но не поздно ли?

— Совсем, совсем не поздно,— за всех ответил Григорий Макарович.

— Хорошо,— сказал Русанов,— тогда послушайте о том, что произошло много лет назад.

Профессор сел рядом с Сережей, обнял его и начал свой рассказ:

— Впервые я познакомился с астрономией в октябре 1917 года. Точнее сказать, 26 октября, через несколько часов после того, как Владимир Ильич Ленин с трибуны Второго съезда Советов провозгласил советскую власть. В то время я работал подручным слесаря на Васильевском острове и никак не думал, что стану астрономом или вообще ученым человеком.

В октябре семнадцатого на нашем заводе был создан отряд Красной гвардии. Командиром этого отряда был мой товарищ, молодой рабочий по фамилии Волчок. Он приехал в Питер из провинции еще в четырнадцатом году, скрываясь от полиции. Настоящая его фамилия была другая, но мы все называли его «товарищ Волчок».

Двадцать пятого октября в штабе революции, в Смольном, наш отряд получил важное задание: занять главный почтамт и главный телеграф. Не буду рассказывать вам всех подробностей, скажу только, что красногвардейцы не посрамили своей чести. Ленинский приказ был выполнен.

Наступило утро. Первое утро Советского государства. На главном почтамте многие чиновники не хотели подчиняться власти трудящихся. Некоторые из них совсем не пришли на работу, а другие сидели сложа руки и посмеивались: дескать, попробуйте, справьтесь без нас!

Одного из таких чиновников я хорошо запомнил. Его лицо выражало одновременно и насмешку и страх, казалось, что он нарочно гримасничает.

Волчок и я работали бок о бок с этим чиновником. Нам приходилось заниматься самыми разными, порой совершенно незнакомыми делами. Около полудня позвонил телефон. Я подошел, взял трубку: «Слушаю».

«Добрый день,— вежливо сказал голос по ту сторону провода. — Примите, пожалуйста, поправку к вашему времени».

Признаюсь, что я ровно ничего не понял в этой фразе. Она показалась мне нелепой, а настроение мое, сами понимаете, было в то утро приподнятое, радостно-возбужденное.

И вместо того, чтобы разобраться, я весело крикнул в телефонную трубку:

«Ошибка, дорогой товарищ! Время у нас самое что ни на есть правильное!»

И в ту же минуту я увидел пренебрежительную, издевательскую гримасу на лице чиновника. Волчок, наблюдавший всю эту сцену, быстро подошел к телефону и взял у меня трубку:

«Кто говорит? Пулковская обсерватория? Минуту... я сейчас запишу. Принято. Продолжайте, товарищ, спокойно работать. Советская власть будет оказывать всемерную поддержку науке».

Голос нашего командира звучал твердо и уверенно. И чиновник больше уже не смеялся. Вид у него был весьма растерянный.

«Служба времени Пулковской обсерватории сообщила поправку своих часов, — объяснил мне Волчок и обратился к чиновнику: — Нет ничего удивительного в том, что красногвардеец Русанов не разбирается в астрономии. В главном-то он все-таки не ошибся: время наше самое что ни на есть правильное!»

А через несколько дней мне пришлось поближе познакомиться с Пулковской обсерваторией. Царский генерал Краснов поднял мятеж против советской власти. Он хотел прорваться в Питер, и его разъезды уже подошли к Пулкову. Вместе с другими отрядами Красной гвардии и мы вышли навстречу врагу. И если бы не Красная гвардия, артиллерия мятежников сровняла бы с землей гордость русской и мировой науки — Главную астрономическую обсерваторию.

Наш отряд после разгрома врага еще несколько дней стоял на охране Пулковских высот. Жизнь обсерватории быстро налаживалась. Научные наблюдения продолжались, как обычно. И один из сотрудников обсерватории предложил нам, красногвардейцам, осмотреть, как он выразился, «храм науки».

Впервые в жизни я был на экскурсии, впервые в жизни я взглянул на небо вооруженным глазом. Много лет прошло с тех пор, а я, как сейчас, помню себя у окуляра, помню яркий, трепещущий в меридианной сетке диск звезды.

Ночью, греясь у походного костра, я все поглядывал на небо, хмурое, осеннее, отягощенное тучами. Но сквозь тучи я видел, как пробирается по небу яркая звезда и подымается все выше и выше... Может, это была Вега.

Я ведь не знал тогда названия звезд. Мысленно я назвал ее своей счастливой звездой. Подошел Волчок и тоже взглянул на небо...

А говорили мы в ту ночь о наших земных делах. Мечтали, делились планами. И я обещал своему командиру и другу, что буду учиться и овладею высотами человеческих знаний. Эта ночь многое решила в моей жизни,— тихо добавил Русанов.

— С тех пор вы и стали астрономом? — не выдержав, спросила Валя.

— Ну, до этого еще было очень далеко,— серьезно сказал Русанов.— Всю войну я провел на Северном фронте и только потом поступил на рабфак, а затем в университет. Сюда я пришел в начале двадцать седьмого года. Ну вот и все, что я хотел вам рассказать...

— А Волчок? Что стало с Волчком?! — закричали ребята.

— Он воевал на других фронтах, — ответил Русанов, — и больше я ничего о его жизни не знаю. Настоящий это был человек, пришедший к нам в Питер из маленького уездного города Чистова...

Русанов не закончил фразы. Сережа взволнованно вскочил:

— Из Чистова? — переспросил он.— Из нашего Чистова?

Русанов улыбнулся.

— Да, я забыл, что ты тоже из Чистова. Там Волчок и вступил в подпольную большевистскую организацию. Сколько я помню,— продолжал Русанов, пристально глядя на Сережу,— в нашем красногвардейском отряде были люди со всех концов страны: и москвичи, и питерцы, и нижегородцы, и сибиряки... Что же тут удивительного?

Сережа не отвечал. Ребята шумно благодарили Русанова, просили, чтобы в следующий раз он сам показал, как проходит работа службы времени. Но Сережа не принимал участия в общем разговоре. Он стоял молча, наморщив лоб, нахмурив брови, и заново переживал рассказ Русанова.

Прошлое придвинулось к нему так близко, как будто он взглянул в телескоп удивительной силы. Он словно видел молодого паренька в косоворотке, в смятом картузе, темной ночью пробирающегося по кривым немощеным улицам уездного городка... И тот же паренек в кепке, в кожанке, с винтовкой через плечо шагает впереди отряда Красной гвардии. Дворцовая площадь... Смольный... Пулковские высоты... В окуляре этого телескопа нет центральной нити меридиана, но куда более прочная связь соединяет Ленинград с городом Чистовом.

И, глядя в чудесный телескоп, Сережа думал, что от него зависит сделать эту связь еще более прочной. Не за горами то время, когда астроном Сергей Аксенов будет работать в Пулковской обсерватории. В павильон большого Пассажного инструмента придет экскурсия десятиклассников, и Сергей Аксенов, так и быть, ответит на их робкие вопросы...

— Ну, как, Сережа? — спросил Русанов. — Приедешь еще раз к нам в Пулково?

— Спасибо, товарищ профессор. Обязательно приеду. Если... — Он хотел сказать: «Если тетя Женя позволит»,— но ничего не сказал, боясь, что это может снова подорвать его репутацию.

Но Сережа напрасно заботился о своей репутации. На обратном пути в автобусе он был в центре внимания. Все расспрашивали его о городе Чистове, и Сережа отвечал, что это хороший и довольно большой город. Улицы в нем не такие широкие, как в Ленинграде, но дома есть тоже очень красивые, например, Дом пионеров. А такого элеватора, как в Чистове, нет нигде больше в стране.

И сам Григорий Макарович подсел к Сереже и спросил его, нельзя ли будет в Чистове разузнать, кто из старых коммунистов был известен как «товарищ Волчок». Сережа отвечал, что берет это на себя. Может быть, еще в Ленинграде удастся кое-что выяснить. У него есть тетя, то есть не его тетя, а двоюродная тетя его отца, она многое помнит...

— Смотрите, смотрите! — закричала Валя, высовываясь из окна.— Вега видна! Счастливая звезда...

— Я бы выбрал для себя Полярную, — сказал Сережа.

— А я бы Капеллу...

— Чур, моя звезда Артур!

И только сосед Сережи, флегматично надкусив яблоко, сказал:

— Звезды разделяются по степени яркости. Нет никаких счастливых или несчастливых звезд. Верно я говорю, Григорий Макарович?

Но Григорий Макарович на этот раз промолчал.

«Гитлеровцы возвращаются»

Под таким заголовком английский еженедельник «Иллюстрэйтед» напечатал фоторепортаж своего специального корреспондента, объехавшего города Западной Германии.

Корреспондент весьма красочно описывает одну из своих встреч:

«Напротив меня сидит Герберт Отто Гилле, бывший оберштурмфюрер СС, генерал черной эсэсовской дивизии «Викинг», самой отвратительной из всех гитлеровских частей этого рода. В годы войны дивизия постоянно пополнялась уголовным отребьем, убийцами по профессии, одетыми в военные мундиры. Но Герберт Гилле уже заявил мне, что такие люди, как солдаты его дивизии,— это «прообраз подлинной европейской армии»... Теперь он рассказывает мне, что скликает отовсюду своих бывших подчиненных, издавая для этого в Ганновере специальный журнал «Зов Викинга». В журнале усиленно выдвигается требование «реабилитировать честь эсэсовцев».

Корреспондент «Иллюстрэйтед» имел случай познакомиться и еще с одним представителем той же породы битых гитлеровских вешателей. Это Вильгельм Шепман, бывший генерал гитлеровских штурмовиков. Избежав с помощью некоторых покровителей кары за военные преступления, он успел, однако, после войны дважды побывать в тюрьме за жульничество и шантаж. Еще недавно, облаченный в цивильный сюртук, этот благообразный на вид человек любил восклицать: «Я самый обыкновенный демократ!» Теперь этот «демократ» снова надел фашистский генеральский мундир и готов занять подобающее место в «европейской армии».

В Западной Германии, как оповещает читателей корреспондент «Иллюстрэйтед», весьма бойко идет торговля... гитлеровскими орденами и нарукавными повязками. Журнал публикует фотографию, на которой изображен промышляющий этим делом бывший офицер вермахта Гельмут Штейнбах. Клиентами его, замечает корреспондент, являются преимущественно бывшие эсэсовцы, которые растеряли или побросали в пути фашистские регалии, когда первыми бежали под ударами советских войск.

«Самое ошеломляющее,— заключает автор репортажа,— это то, как открыто, на глазах у всех, орудуют сейчас эти, словно восставшие из гроба, палачи Европы, охранники концентрационных лагерей, вешатели из карательных команд».

Торговля фашистскими орденами.

The men Hitler put in uniform are rising again

Они меняют сюртук на гитлеровский мундир (вверху — Герберт Гилле, внизу — Вильгельм Шепман).

☆ ☆ ☆

Воспроизводя репортаж и фотографии из «Иллюстрэйтед», польский журнал «Свят» справедливо замечает:

«Все это — правда. Но есть все же один недостаток в репортаже английского еженедельника: ни слова не говорится о том, кто же несет ответственность за «воскрешение» гитлеровских военных преступников, происходящее в Западной Германии».

На ковре в Неаполе

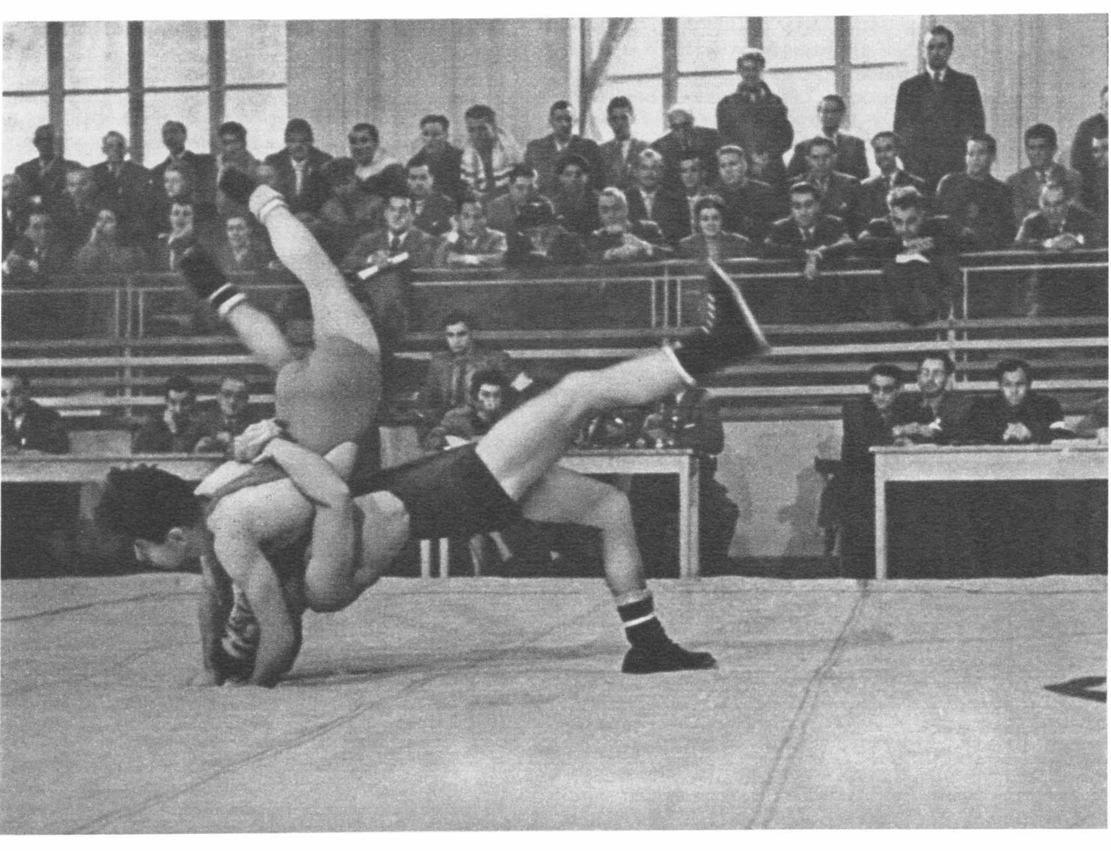
(Из записной книжки тренера)

Фото заслуженного мастера спорта С. Марушкина.

Первые впечатления

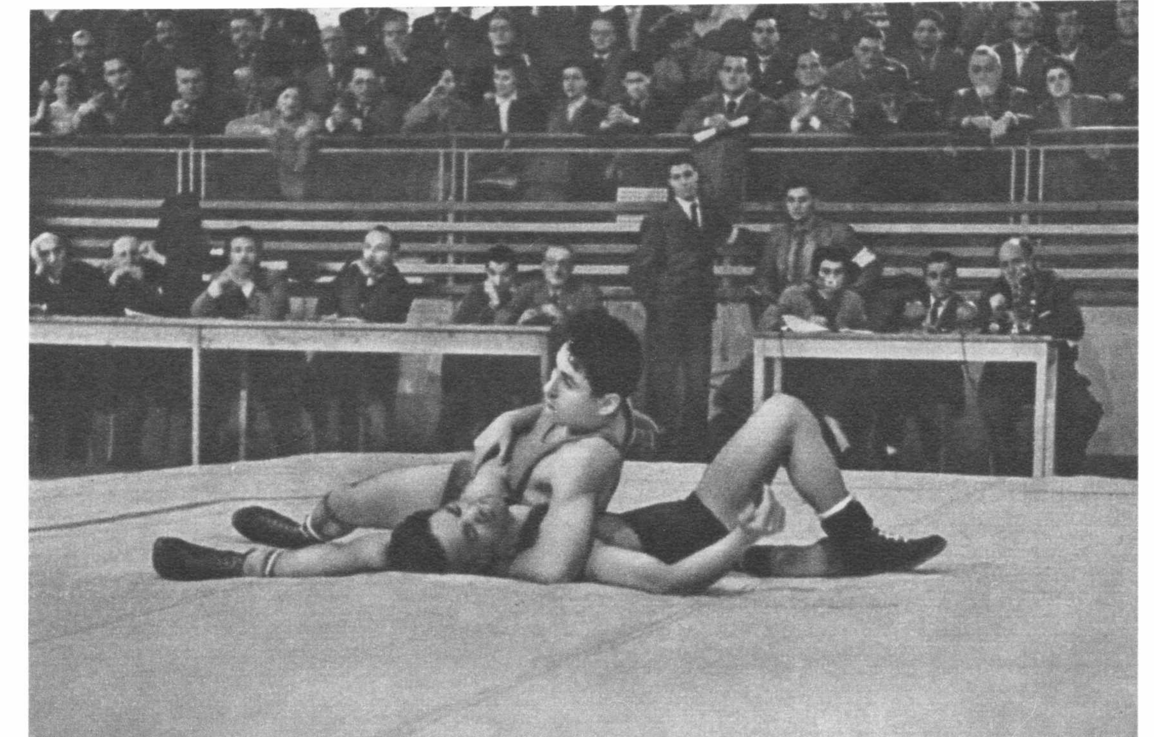
В Неаполь на чемпионат мира по классической борьбе мы прибыли за три дня до начала состязаний. Не без труда удалось нам разместиться в «Болонье», второразрядной гостинице с видом на море и темнеющий вдали конус Везувия.

Неаполь произвел на нас далеко не радостное впечатление. Город солнца и песен был отдан на откуп праздным толпам туристов.

Момент острой схватки Б. Гуревича и И. Фабра.

И в ту же секунду Б. Гуревич «припечатал» И. Фабра к ковру.

Георгий Шатворян победил.

Они осаждали ресторанные стойки, рассаживались за столики кафе, вынесенные на тротуары. Рядом располагались небольшие оркестры безработных музыкантов. Они играли беспрерывно задорные марши, лирические песенки, танцы, надеясь, что богатые гости, насытившись, разомлев от дивной голубизны Неаполитанского залива, «оценят» их искусство. Тут же бродили и солисты. Они сами себе аккомпанировали на аккордеоне или гитаре, а тем временем сопровождавшие их товарищи обходили с шапкой в руке ряды слушателей. Право, от этих веселых песен становилось невыразимо грустно!

Стоило свернуть с магистральной «Via Roma» в сторону и пройти несколько сотен шагов, как вы попадали в другой мир. Узкие, кривые переулки с покосившимися домами, захламленные дворики, где у мусорных ям играли дети, стряпали и стирали белье женщины. В этих кварталах бедноты и солнце, казалось, не так щедро светит, как в центре города.

В Неаполе мы уже застали ряд делегаций. Первыми приехали ливанцы и турки. Сильных атлетов Турции спортивные обозреватели называли серьезными соперниками шведских борцов. Особенно высоко оценивались шансы шведов. Швеция прислала в Неаполь внушительную команду — пять неоднократных чемпионов мира. Напористый Олле Андерберг, техничный Густав Фрей, силач Аксель Грёнберг, славившийся своими бросками Карл Эрик Нильссон, выносливый Бертиль Антонссон — эти фамилии говорили сами за себя.

Что касается советских борцов, то буржуазная печать высказывалась о них весьма скептически. По мнению некоторых специалистов, борцы Советского Союза недостаточно подготовились к соревнованиям, что, разумеется, не замедлит сказаться на результатах...

Борьба началась

Соревнования на первенство мира проводились в зале Итальянского национального олимпийского комитета, в бывшем королевском спортивном манеже. Это одноэтажное, ничем не примечательное здание отгорожено от улицы невысоким массивным забором, вдоль которого располагались потом «болельщики», не сумевшие из-за дороговизны билетов попасть в зал. Так как раздевалки спортсменов находились в пристройке, в конце двора, то безбилетники имели возможность видеть всех участников, а о результатах схваток сообщалось по радио.

В зале были установлены два ковра. Арена устроена ниже рядов зрителей, и темпераментные неаполитанцы, наблюдая за схватками, иногда аплодировали невпопад: сверху каждый поставленный на «мост» борец казался брошенным на лопатки.

В первый день состязаний в центре внимания оказалась схватка борцов наилегчайшего веса — Игнацио Фабра и Бориса Гуревича. Интерес к этой встрече был подогрет итальянской печатью. Дело в том, что Гуревич уже боролся с Фабра на Олимпийских играх, в финале, и в трудном поединке победил итальянца. Это было единственное поражение Фабра в 1952 году. Чемпион Италии даже заплакал от обиды, когда судьи объявили о победе Гуревича. Буржуазные газеты всячески подчеркивали, что проигрыш Фабра — дело случая и только повторная встреча соперников может решить, кто из них действительно сильнее.

Надо отдать должное чемпиону Италии. Он боролся смело и изобретательно. В быстроте Фабра, пожалуй, не уступал Гуревичу. Мысль о реванше горячила итальянского атлета, зрители подбадривали его и приветствовали каждый удачный захват. Гуревич долго не мог приспособиться к противнику. Он пробовал контратаковать, но тот искусно защищался, пережидал «бурю» и снова шел в наступление.

До конца встречи оставалось менее трех минут, а Гуревич попрежнему проигрывал. И все же мы верили в нашего товарища. Он возьмет себя в руки, соберется с силами, изменит ход схватки. Ведь Гуревич прекрасно знает, как важна для советской команды его победа. Первая победа — что хорошая запевка.

В зале кипят страсти. Из раздевалки то и дело прибегают посыльные — разузнать, что и как... И вот Гуревич решительно атакует Фабра. Молниеносный бросок через спину, и итальянский чемпион «припечатан» к ковру.

Мы поздравляем Гуревича с блестящей победой. А вскоре новой, не менее важной победой радует нас молодой мастер Артем Терян. Он нанес поражение чемпиону Швеции в легчайшем весе Г. Перссону.

«Кто их остановит!»

Такими заголовками запестрели утренние газеты после второго дня соревнований, когда советская команда снова выиграла все схватки.

Без поражений шли также турецкие борцы, и в ожидании встречи лидеров газетчики изощрялись в прогнозах.

Большая ответственность выпала на долю Георгия Шатворяна и Гиви Картозия, впервые участвовавших в таком крупном чемпионате. По жребию им предстояло встретиться с турецкими атлетами, победившими в предварительных схватках сильнейших борцов мира.

Сухой, жилистый Шатворян не производил впечатления силача, но в его длинных, хорошо тренированных мышцах таился огромный запас энергии. Обычно спокойный и хладнокровный, он на ковре преображался, ошеломлял противника непрекращающимся напором. Особенно успешно боролся Шатворян в «партере».

Турецкий чемпион Бекир Бюке отчаянно сопротивлялся, навязывая Шатворяну силовую борьбу, стараясь «погасить» его энергию, но в конце концов должен был признать превосходство советского борца. Бюке дважды побывал на ковре и проиграл схватку по очкам.

Противником 24-летнего Гиви Картозия оказался богатырски сложенный Атли Исмет, лучший борец турецкой команды. До встречи с Картозия он бросил на лопатки опытного венгра Немети, у которого советский борец выиграл по очкам.

Исмет старательно готовился к схватке, долго разогревался. От него ни на шаг не отходили тренеры — турецкий и шведский, приглашенный в качестве «консультанта». Проигрыш Бюке спутал все карты. Если не выиграет Исмет, турецкая команда выбывает из первой тройки. В победе представителя Турции были заинтересованы и шведы: тогда бы с их чемпионом Грёнбергом встретился в финальной схватке Исмет, борец куда более покладистый, чем Картозия.

К всеобщему удивлению, эта ответственная схватка закончилась раньше времени. На третьей минуте турецкий чемпион был брошен на ковер, перевернут, поставлен на мост и спокойно дожат. Эта «методичность» молодого советского борца произвела сильное впечатление. Грёнбергу ничего не оставалось, как готовиться к не сулящей ничего хорошего встрече с Картозия.

После поражений турецких борцов стало ясно, что никто уже не сможет остановить победоносного шествия советских спортсменов.

Пять чемпионов мира

Финальные схватки собрали рекордное число зрителей. Зал, в будни заполненный наполовину, в воскресный вечер был переполнен. «Поболеть» за советских борцов пришли моряки теплоходов «Андреев» и «Совгавань», ставших на якорь в порту Неаполя.

Интересно было наблюдать за нашими финалистами. В ожидании решающего испытания они оставались теми же веселыми, общительными товарищами, какими мы привыкли их видеть.

Борис Гуревич с перевязанной рукой (он получил травму в схватке с бельгийцем Мевисом), по своему обыкновению, перекидывался шутками с друзьями, что-то напевал вполголоса. Артем Терян заканчивал шахматный «спор» с тяжеловесом Мазуром. Гиви Картозия присел к окну и мечтательно уставился в едва видимую безыменную вершину: наверно, вспомнились кавказские горы...

В углу хлопочет наш доктор Парнов. У него неожиданно большая практика: то пришел на перевязку румынский борец, то обратился за помощью член ливанской команды — у него повреждено ребро.

Олимпийский чемпион Яков Пункин напутствует товарищей:

— Я не имею возможности исправить ошибку, так вы уж постарайтесь и за меня.

Пункина постигла неудача тогда, когда схватка им уже была выиграна. За 20 секунд до свистка судьи он неосторожно расслабился на краю ковра и был наказан.

Один за другим уходят советские борцы на ковер. «Однорукий» Гуревич в напряженной схватке добивается победы над турком Ахметом Билеком. Терян уверенно обыгрывает темпераментного итальянца Джиованни Кокко.

Трудно приходится самому молодому члену сборной команды, Шазаму Сафину. Он должен провести не одну, а две схватки. Первую, с неоднократным чемпионом мира Фреем, Сафин заканчивает в свою пользу. Эта победа стоит большого напряжения сил, а регламент чемпионата безжалостно строг. Через 20 минут Сафин снова выходит на ковер. Уставший после упорного поединка со шведом Сафин проигрывает быстрому финскому борцу Киости Лехтонену и занимает третье место. Интересно отметить, что если бы Сафин чисто проиграл финну, он бы занял более высокое, второе место, а получивший звание чемпиона мира Фрей отодвинулся бы на третье.

Следующая пара — полусредневесы: Шатворян и олимпийский чемпион Миклош Сильваши (Венгрия). Судьи единогласно присуждают победу советскому борцу.

Опасения шведского тренера были основательны: прославленный Аксель Грёнберг вынужден был в финальной схватке встретиться с советским борцом и не устоял против богатыря Картозия.

В полутяжелом весе чемпион СССР Август Энглас не имеет соперников. Сильнейшего своего противника, олимпийского чемпиона Кельпо Грендаля (Финляндия), он победил еще в предварительной схватке.

Неудача постигла Иоганнеса Коткаса. Он уверенно провел весь чемпионат, а в решающей схватке отдал инициативу опытному шведу Бертилю Антонссону и потерпел поражение.

Чемпионат закончен.

Пять советских борцов всходят на пьедестал победителей. В просторном зале звучит в их честь величественный Гимн Советского Союза. Пять раз на мачте взвивается флаг страны социализма.

В полночь мы покидаем опустевший зал. Все члены команды «нагружены» цветами: это постарались наши друзья-моряки. Тяжеловесы несут массивный бронзовый приз «Борющиеся атлеты» — личный подарок президента Международной федерации борьбы.

Двор заполнен «безбилетниками». Они заочно следили за финальными схватками и сейчас хотят поздравить своих любимцев, победителей чемпионата — советских борцов.

Растроганные этой неожиданной встречей, мы раздаем незнакомым друзьям цветы. Рабочие парни, рыбачки, учащиеся окружают нас тесным кольцом. Громко звучат в вечернем воздухе фамилии наших борцов. В лице советских спортсменов простые люди Италии приветствуют могучий Советский Союз — родину богатырей.

А. СЕНАТОРОВ,
заслуженный мастер спорта

Чемпион мира А. Терян дарит свой значок комсомольцам Неаполя.

ЖЕЛАННАЯ РОЛЬ

Народная артистка РСФСР М. И. Бабанова в роли Тани («Таня» А. Арбузова в постановке Московского театра драмы).

Клавдия ПОЛОВИКОВА,
заслуженная артистка РСФСР

В жизни актрисы каждая новая роль — важное и волнующее событие. Художник сцены перед началом новой работы переживает сложное чувство. Что таит в себе нераскрытая тетрадь с текстом новой, пока еще неведомой мне роли? Сумею ли я, актриса, заинтересовать и воодушевить зрителей, передам ли я им новые, заслуживающие внимания мысли? Или же меня, а вслед за мной и зрителей ждет досадное разочарование?

Вот театр принял к постановке новую пьесу. Тебе говорят, что ты будешь играть в ней, допустим, учительницу Анну Павловну Сидорову. И уже невольно с этого момента начинаешь думать о роли, пытаешься представить себе характер героини: как она ведет себя в школе, с детьми, какова ее общественная работа, личная жизнь? Но, прочитав роль, я вижу — в который уже раз! — что моя учительница произносит в пьесе пять — шесть сухих, безжизненных, банальных фраз, которые не дают «строительного» материала для будущего образа. То же происходит и с ролью женщины-химика, и со стахановкой-ткачихой, и с колхозницей. Беда заключается именно в стандартном, скупом и беглом раскрытии драматургами духовных свойств современной женщины.

Иногда вообще обнаруживается, что женская роль — роль без характера, без биографии — очень легко и без всяких изменений может быть превращена... в мужскую. Драматург написал вместо «учитель» «учительница», кажется, просто потому, что в последнюю минуту вдруг вспомнил: а ведь в труппе театра, кроме актеров, есть еще актрисы!

Удивительно, почему же героини пьес чаще всего оказываются менее интересными, чем героини реальной жизни? Ведь наша страна так богата замечательными женщинами, с энтузиазмом строящими коммунизм,— выдающимися учеными, педагогами, воспитывающими нашу молодежь, колхозницами, выращивающими рекордные урожаи, наконец, скромными матерями, растящими достойных дочерей и сыновей нашей Отчизны! Почему же драматурги не видят этих женщин? Неужели они не встречаются с ними каждодневно?

Оглядываясь на свое недавнее прошлое, я вспоминаю сыгранные мною роли: Кручининой, тургеневской Лизы, Марии Стюарт, Реджины («Лисички» Лилиан Хелман) — и почти не нахожу в своей творческой биографии волнующих встреч с героиней-современницей. Если бы «не повезло» мне одной, это было бы только досадно, не более того. Но ведь я вижу, что и такие превосходные артистки, как А. К. Тарасова, О. Н. Андровская, М. И. Бабанова и многие другие, годами дожидаются и мечтают о полнокровной роли советской женщины в пьесах, посвященных нашей действительности. Речь идет, следовательно, не о более или менее досадной случайности, а о давно укоренившемся недостатке нашей драматургии.

Это — невнимание ко всему новому, что возникло и окрепло в сознании и характере женщины за годы существования советского общества, невнимание и к нам, артисткам, воспитанным советским строем, равноправным участницам строительства коммунизма.

После «Любови Яровой» у нас появилось несколько пьес, специально посвященных женщине нашей современности. «Таня» Ал. Арбузова, «Сказка о правде» М. Алигер, «Рассвет над Москвой» А. Сурова принесли актрисам большие творческие успехи. Таня стала «коронной ролью» Бабановой, и спектакль этот, поставленный задолго до войны, выдержал уже более 800 представлений — своеобразный рекорд! В «Сказке о правде» молодая ленинградская артистка Н. Родионова за исполнение роли народной героини Зои была удостоена Сталинской премии, так же как и В. Марецкая в «Рассвете над Москвой», прекрасно сыгравшая директора фабрики Капитолину Солнцеву. Следовательно, когда появляется действительно хорошая современная роль, у нас всегда находится достойная исполнительница: наш театр бесконечно богат разнообразными актерскими дарованиями. За примерами ходить недалеко: стоит вспомнить недавний спектакль Театра имени Ермоловой «Счастье», где молодая артистка И. Киселева в роли Лены Журиной и более зрелая Э. Кириллова в роли Варвары Огарновой создали такие несхожие, но согретые живым чувством, поэтичные образы современниц. К сожалению, таких спектаклей очень и очень мало. Яркая современная роль — это счастье, доступное немногим из нас.

Ныне я переживаю такое счастье играть желанную роль. Моя героиня увлекла меня уже при первом знакомстве — в тот день, когда драматурги братья Тур прочитали в труппе Московского театра драмы свою пьесу «Третья молодость».

Меня спрашивают: вижу ли я недостатки в этой пьесе? Да, конечно, они есть, но они не могут заслонить достоинств произведения, рисующего борьбу представителей передовой ленинско-сталинской науки против консерваторов и реакционеров, против отсталого мировоззрения.

Центральная роль в этой пьесе женская — большая, содержательная роль Снежинской, за которой угадывается ее замечательный прообраз (ему авторы посвятили свое произведение) — Ольга Борисовна Лепешинская. В пьесе вырисовывается фигура женщины-ученого, человека настойчивой, пытливой и дерзкой мысли, принципиальной, чуждой компромиссов, отдавшей свою жизнь служению социалистической науке. Ощущается и характер ее — благородный, прямой, упорный и сильный.

Я, конечно, слышала о выдающемся научном подвиге О. Б. Лепешинской. Но личное знакомство с ней, которого потребовала работа над ролью, принесло мне нечто большее — чувство огромного уважения к труду ученого. Я увидела удивительно бодрую и молодую духом женщину, которой уже за восемьдесят лет. Я услыхала ее простой, искренний рассказ о жизненном пути, насыщенном трудными исканиями, борьбой с реакционерами и рутинерами от науки, узнала о том, какой дорогой ценой отвоевываются у природы крупицы новых фактов, из которых слагается научное открытие. Ольга Борисовна показала мне свою лабораторию, продемонстрировала некоторые опыты, полностью подтвердившие те выводы, которые были добыты за десятилетия кропотливого и настойчивого труда. Надо было видеть, как загорались в этот момент ее глаза! Я с глубоким интересом наблюдала ее не только в лаборатории, но и в быту. Ольга Борисовна предстала передо мной и как заботливая мать, вырастившая четверых детей. В ее семье воспитывался сын знаменитой Пассионарии — героини испанского народа Долорес Ибаррури... Так раскрылось передо мной женское сердце моей героини, гармонично сочетавшей в себе старого коммуниста, выдающегося ученого, доброго, отзывчивого друга и сурового противника тех, кто пытался увести науку в сторону от правды.

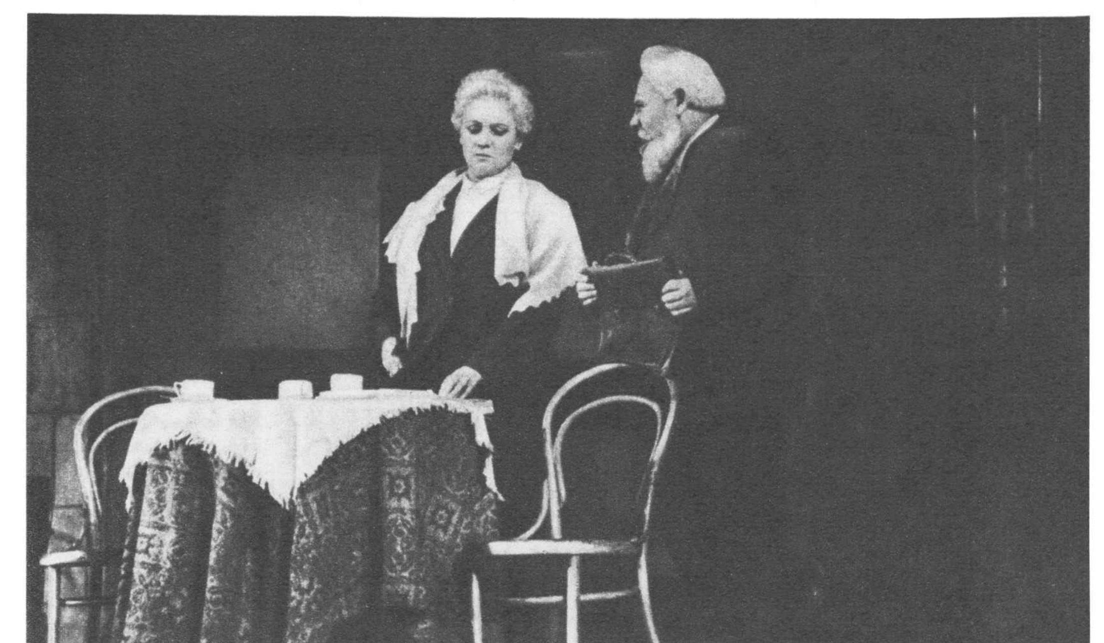
Слушая О. Б. Лепешинскую, я вспоминала и других прекрасных русских женщин: С. В. Ковалевскую, образ далекого прошлого, и Н. К. Крупскую, нашу недавнюю славную современницу. Думала я и о советских женщинах-ученых, беззаветно служащих передовой науке.

Мы знаем, мы видим, какие прекрасные женщины выросли в нашей стране. В любом труде, во всех сферах общественной жизни советская женщина достигла небывалых успехов. Но искусство драмы, к сожалению, часто обходит стороной этих подлинных героинь современности. Образ современницы близок и дорог не только мне, но и нашему зрителю, который горячо переживает все происходящее на сцене.

Хочется верить, что счастье желанной роли узнают все советские актрисы, что писатели создадут наконец новые драматургические произведения о прекрасной советской женщине наших дней.

«Третья молодость» братьев Тур. Постановка Московского театра драмы. Профессор Снежинская — заслуженная артистка РСФСР К. М. Половикова, академик Квашнин — народный артист РСФСР Л. Н. Свердлин.

Фото Б. Рябинина.

«Товарищи по оружию»

Военные операции на Халхин-Голе давно уже стали достоянием истории, и краткое описание их можно найти даже в школьных учебниках. Но, читая новый роман К. Симонова, «Товарищи по оружию», едва ли не впервые так ясно представляешь себе и понимаешь все их значение в тогдашней сложной международной обстановке. Стремительное окружение и сокрушительный разгром вторгшейся на территорию Монгольской Народной Республики вражеской группировки безнадежно смешали карты японских горе-стратегов, которые уже было «спланировали» все стадии войны против Советского Союза.

С первых же строк книги — о беспокойном и ярком закате в монгольской степи, который наводил офицера-танкиста Климовича на мысль о близкой войне, — читатель ощущает атмосферу крайнего напряжения, в котором находятся герои романа, кто по роду своей военной службы, кто (например, жена Климовича Люба) потому, что его близкие должны принять на себя первый удар.

Близился час, когда многим бойцам и командирам Советской Армии пришлось показать свою выучку не в сражении между «красными» и «синими», а в суровой обстановке войны.

Приезд выпускника Военной академии капитана Артемьева в Монголию совпадает с началом боев, значительная часть которых показана его глазами.

Перед читателем развертываются подробные и яркие картины боев, ликвидации диверсионной группы, переговоров с японцами, обмена пленными и т. д.

Артемьев встречается со своим школьным товарищем Климовичем и с летчиками Полыниным и Козыревым. На сцену является много других героев, которые занимают автора меньше, но в пределах отведенной для них роли обрисованы метко и рельефно. Таковы, например, майор Худяков, невзрачный на вид, но твердый волей и сердцем человек, и безыменный рыжеватый полковник, который, тяжело переживая гибель своих солдат, зло ругает японцев «паршивой нацией» и тут же кидается спасать пленного.

К. Симонов прежде всего стремился показать своих героев в том главном, что занимало их в изображаемый период, — в их ратном труде, в их отношении к предстоящему испытанию тяжелой, кровопролитной войной.

У Халхин-Гола многие из героев получают первое боевое крещение, причем обстоятельства этого крещения необычны и требуют огромного напряжения всех человеческих сил.

Герои К. Симонова выходят из боев возмужавшими командирами, получившими серьезный опыт ведения больших операций в масштабе современной войны, по достоинству оценившими и силы врага и собственные силы.

Рисуя образ генерала Камацубары, возглавлявшего войска, которые перешли границу МНР, К. Симонов вскрывает сущность пресловутого «самурайского духа», авантюризм японской военной клики.

Даже получив весть о поражении Камацубары у горы Баин-Цаган, в японском генеральном штабе, «стремясь к войне с Россией и настаивая на ней, упрямо предпочитали оперировать не Хасаном и не Баин-Цаганом, а более давними и удобными для этой цели воспоминаниями о Цусиме, Мукдене и Ляояне». Да и в душе самого Камацубары попрежнему жила «тупая и сладкая уверенность в непогрешимости императорской армии». Ему хотелось верить, что наступательный порыв русских иссякает, и он обращал внимание лишь на те факты, которые можно было бы истолковать в этом духе. А поскольку весь командный состав японской армии в большинстве своем состоял из таких же камацубар, то в донесениях из частей рядом с цифрами собственных огромных потерь вписывались ради самоудовлетворения и поддержания «самурайского» престижа фантастические сведения о потерях русских и монголов.

«В стихии самоуверенности и лжи тонули и здравый смысл, и военный опыт, и робкие попытки посмотреть правде в глаза, — и это отражалось на карте, лежавшей перед Камацубарой».

С этой карты, как из зеркала, глядит чванное и тупое лицо японской авантюристической военщины. Однако долго игнорировать реальность никому никогда не удавалось. Удар, обрушившийся на японские войска, так силен, что даже в кривом зеркале, которым пользуется Камацубара, начинают проступать контуры поражения, и «бестрепетный самурай» предпочитает передать командование своему начальнику штаба и улететь в Маньчжурию («Такого решения требуют благоразумие и обстановка»).

Образ Камацубары — типический образ авантюриста. Поэтому в его поступках легко обнаружить много общего с действиями Гитлера и его бесславных сподвижников.

«Это, что здесь происходит, — все так, запевка только...» — задумчиво говорит командир танковой бригады Сарычев.

Никто из героев романа не обольщался надеждой, будто наступившая после победоносных боев тишина — надолго.

В записях журналиста Лопатина говорится, как однажды ночью в окопе кто-то рассудительно и задумчиво произнес: «Гитлер меня беспокоит...»

«Я ожидал, — пишет Лопатин, — что кто-нибудь пошутит, подковырнет сказавшего, но никто не пошутил. Все долго молчали. Гитлер беспокоил всех».

Да, Гитлер беспокоил всех. Комиссар полка Саенко «лично... не боялся войны уже по одному тому, что воевал вчера, воевал сегодня и знал, что будет воевать завтра. Но даже самые жестокие бои, в которых участвуют несколько десятков тысяч военных людей в безлюдном пограничном районе Монголии, — это было одно, это еще могло стать и могло не стать войной; а война с гитлеровской Германией, война, в которую сразу же окажутся ввергнутыми и вся армия, и весь народ, — это было совсем другое, и мысли о ней наполняли тревогой уравновешенную, неробкую душу Саенко».

И сам командующий, придирчиво анализируя вскрывшиеся во время боев недостатки вооружения, собственные просчеты и думая, что «вся только что закончившаяся здесь операция, которой он гордился, наверное когда-нибудь покажется не такой уж крупной», задумчиво повторяет: «Это еще не война».

Не только подобные мысли, приходящие в голову самым разным героям, заставляют читателя все чаще оглядываться на затянутый тучами запад. Туда переводим мы глаза вслед за Полыниным и Козыревым, уезжающими из Монголии по приказу Москвы. Первый из них вскоре оказывается в Западной Белоруссии. И если Полынин, только еще готовясь к новому назначению, ясно вспомнил последний «мессершмитт», сбитый им в Испании, то теперь из встречи с немецким «ассом», который якобы по ошибке обстрелял наших конников и был «приземлен» ответным огнем, он выносит твердое убеждение: «Будет война!»

Свидетелем этого эпизода оказывается и недавно призванный в армию газетчик Синцов, муж сестры Артемьева и его давний друг. Случившееся укрепляет в нем решение «итти в военно-политическую школу, в кадры».

Трагические картины жизни концлагеря, где правительство Даладье держит испанских республиканцев, среди которых находится однокашник Артемьева чех Петрашек, словно показывают ближайшее будущее всей Западной Европы.

Эти сюжетные линии, перебивающие повествование о событиях в Монголии, свидетельствуют, что «Товарищи по оружию» являются для К. Симонова тоже своего рода «запевкой», зачином.

Автор, повидимому, проведет своих героев сквозь важнейшие для судьбы нашей Родины битвы. Возможно также, что Петрашек «раскроет двери» для других зарубежных борцов против фашизма, наших полноправных «товарищей по оружию», и тогда рамки повествования значительно раздвинутся.

Все происходившее в Монголии: первая встреча с войной, со смертью, с чужим горем, гибель друзей, с которыми жил бок о бок, — не могло не привести в движение все силы ума и сердца героев. Несмотря на занятость Артемьева штабной работой, Климовича — боями и нахлынувшими на него заботами по батальону, Полынина — беспрерывными полетами, внутренняя жизнь всех их, бесспорно, должна была достигать в ту пору большого накала. С новыми впечатлениями переплетались и воспоминания о прежнем, о пережитом, думы о семье и близких.

Однако думается, что как раз в этом направлении автор несколько поскупился. Это заметно и в образе Артемьева и в образе Климовича: лишь подчас они приоткрываются перед нами с неожиданной стороны, хорошо оттеняющей их обычный облик.

Прекрасно переданы, например, мысли Артемьева, когда он, оставшись один в палатке разведотдела, как будто впервые увидел разбросанные по полу фотографии и документы, которые были найдены у погибших японцев и теперь «шуршали уныло и жестко, как жестяные цветы на кладбище».

Говоря о политруке Русакове, К. Симонов замечает: «Климович любил таких немногословных, твердых, спокойных людей, очень похожих на него самого, хотя сам он об этом не догадывался».

Немногословность, спокойная твердость, скромность — эти черты есть почти у всех основных героев романа. Вряд ли сам автор «не догадывался» об этом сходстве, скорее, наоборот, он намеренно подчеркивал его, видя в нем проявление характерного облика людей, воспитанных нашей Советской Армией.

Романтика сурового мужества, скупого на слова, чуждого какой-либо позы, свойственная многим произведениям Симонова, сказалась и в новом его романе.

Но нам представляется, что писатель как бы ограничил для читателя возможность ближе и полнее познакомиться со своими героями, узнать в них больше черт, свойственных нашему советскому народу.

Так же, как герои романа не просто воины, а *советские* воины, *советские* люди, так и армейская среда, рисуемая в книге, должна быть в значительной мере «сколком» со всего нашего общества.

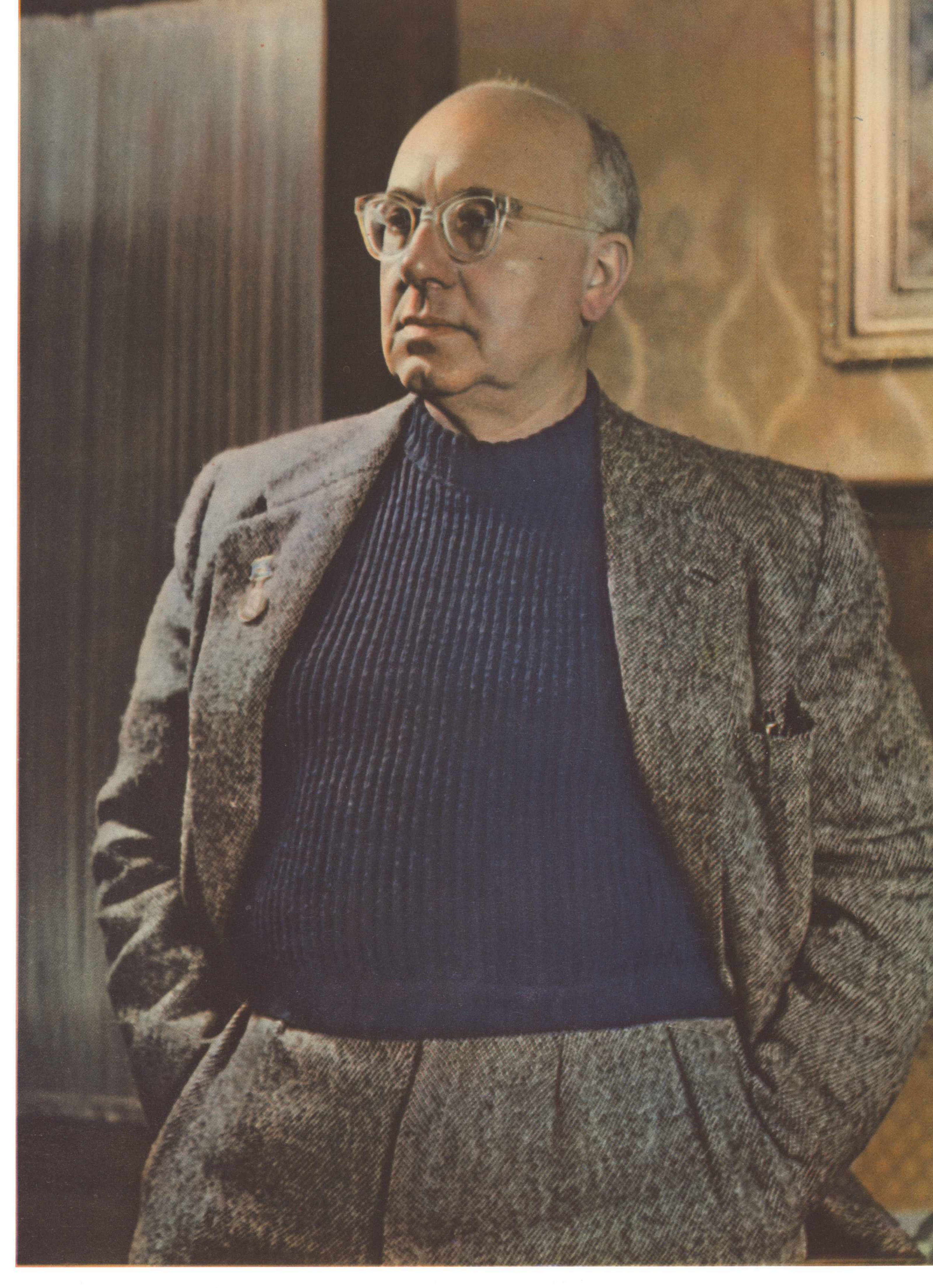
Это поможет героям К. Симонова с дальнейшим развитием событий вырасти на целую голову — не только как боевым командирам, вырасти в законченные, типические фигуры наших современников, обрисованных во всем многообразии их духовного строя и жизненных связей.

Но где же мы встретимся с ними опять? В снегах Финляндии? В цепи пограничников, сдерживающих июньским утром яростные атаки врага? На просторах Украины или у стен Ленинграда? Стоящими насмерть под Москвой или прорывающимися из Одессы?

Не будем гадать. Будем просто ждать этой новой встречи и надеяться, что не понапрасну возникает в душе, пользуясь выражением К. Симонова, «нечастое и дорогое предчувствие рождающейся дружбы» — дружбы с хорошей, интересной книгой.

А. ТУРКОВ

К. Симонов. **Товарищи по оружию.** Роман. «Новый мир» №№ 10—12. 1952.

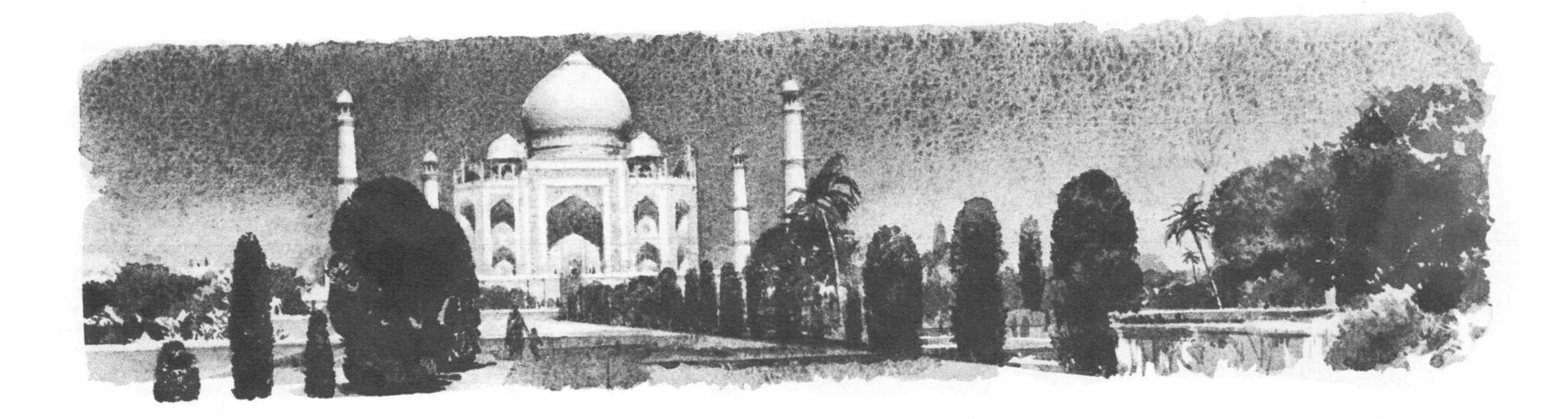
Лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» немецкий писатель **Иоганнес Бехер.**

Фото Дм. Бальтерманца.

Лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» бразильский писатель **Жоржи Амаду.**

Фото А. Узляна.

ТРИ РАССКАЗА

Ахмед АББАС

Рисунки В. Климашина.

1. СТРОИТЕЛЬ БУНДУ

Бунду был счастлив. Сегодня его единственный сын Ибрагим обвенчается и приведет в дом свою жену. У Бунду появится невестка. Сегодня с приходом невестки его убогая лачуга засияет. И возможно, что молодая принесет дому счастье. И, как знать, может быть, Бунду снова удастся получить работу.

Сегодня строитель Бунду счастлив. Сегодня на его изборожденном морщинами лице впервые за последние пять лет вновь сияет радостная улыбка. Даже трубка доставляет ему сейчас какое-то особенное наслаждение. Сидя в тени деревьев у своего домика, старик смотрит на солнечный закат: красные, розовые, голубые облака заволакивают небо. Переливы красок напоминают Бунду шаль, что он недавно принес от красильщика и послал в подарок будущей невестке. Шаль из грубого, дешевого муслина, полушелковые шаровары, кофта из японского искусственного шелка да пара серебряных браслеток — вот все, что Бунду мог преподнести ей в качестве свадебного подарка. Если бы он не был безработным, разве такие дешевые вещи он купил бы для невестки, разве только одно серебряное украшение поднес бы он ей?! О нет... Атласные шаровары, бенаресскую шаль[1] ручной работы, золотые сережки, золотые браслеты для рук и серебряные с колокольчиками для ног — вот что он подарил бы ей! Да и то сказать: сын-то у него один-единственный. Эх, если б жива была его мать!..

Когда последние лучи солнца померкли на земле, радостная улыбка сошла с лица Бунду.

Вот уже десять лет, как умерла его жена, но, стоит ему только вспомнить о ней, его глаза невольно наполняются слезами. Как она хотела дожить до того дня, когда сын приведет в дом жену! Эх, если бы она была жива сейчас!..

Некоторое время Бунду сидел неподвижно, весь во власти своих мыслей. Когда в соседних домиках зажглись огни, он подумал: «Сын вот-вот придет с женой, а в доме темно. Это не годится: нехорошая примета». Он встал и, войдя в дом, зажег светильник, в который было налито прогорклое масло. Сегодня Бунду прибрал свой домик, как никогда. Правда, особенно и убирать-то было нечего: четыре стены, двенадцать квадратных футов глинобитного пола, крыша из кусочков старого оцинкованного железа, в сезон дождей с нее капает вода, в знойные летние дни она пышет жаром, а зимой от нее несет ледяным холодом.

В таких же лачугах живут все соседи Бунду. Поселок расположен на холме, в одной миле от Нью-Дели[2]. Последние пять лет жители поселка работали на строительстве восьмого квартала Нью-Дели. Но строительство в конце концов было завершено, и все они остались без работы. Их жизнь вступила в полосу бедствий и лишений.

Бунду был потомственным строителем и прекрасным мастером своего дела. Его предки строили Лял Киля и Джамма Масджид[3]. Сам Бунду строил резиденцию вице-короля Индии и здание Законодательного совета. Но теперь он был вынужден таскать глину, известь и цемент на стройке небольших домов. С тех пор, как началась война, железо, лесоматериалы и цемент вздорожали, строить стали меньше, и его сын поступил посыльным к одному подрядчику. На его заработок они и жили вдвоем. Ибрагим получал десять рупий в месяц и бесплатное питание; сейчас даже строители вряд ли могли заработать больше, но все-таки Бунду было горько от сознания, что его сын — сын строителя Бунду — согласился служить посыльным. Ведь строитель есть строитель — он мастер, он хозяин своих рук, своих дум и своего времени. Куда пожелает, туда и пойдет. Когда захочет, тогда и будет работать. Он никому не обязан прислуживать, ни перед кем не должен в страхе гнуть спину.

Бунду был потомственным строителем и очень гордился этим. Ведь быть строителем — это не пустяками заниматься: чуть недосмотришь, и все здание ни на что не похоже. Это он и его товарищи превращают синие чертежи инженеров в прекрасные и величественные здания. Это строители своими искусными руками создали из кирпича, извести и глины такую сказочную красоту, как Тадж-Махал, и такое великолепие, как Кутуб-Минар[3]. Их искусство граничит с чародейством. Как живописец, с помощью своей палитры создающий на полотне бессмертное творение, как скульптор, вдыхающий жизнь в простой камень, как музыкант, своей игрой задевающий самые нежные струны в душах слушателей, как все они творят красоту,— так и строитель, воздвигая своими руками чудесные дворцы и храмы с их колоннами, арками, нишами и куполами, творит ту же красоту. И вот теперь сын такого строителя целыми днями вынужден прислуживать какому-то невежественному, грубому подрядчику.

Бунду не разбирался в экономических вопросах и ничего не смыслил в политике. Он даже не сетовал на то, что Нью-Дели заполнен иностранцами, налетевшими сюда из-за морей и океанов. Ему только было очень горько сознавать, что теперь совсем перестали ценить строителей. Такой мастер, как он,— и ходит без работы.

За дверью послышалось покашливание.

— Добрый вечер, брат Бунду! Ну как, пришла твоя невестка?

— А, дядюшка Хейяруддин, милости прошу, заходите! Ибрагим пошел за ней. Вот-вот должны подойти!

Дядюшка Хейяруддин, постукивая палочкой, вошел в комнату. Это был самый старый строитель: люди говорили в шутку, что это он закладывал каменные фундаменты зданий, которые строились при Шах-Джахане. Он был председателем общины, все строители считали его своим учителем и главой и относились к нему с большим почтением.

— Что ж, дело хорошее. Будет у Ибрагима жена, она и о тебе позаботится: поесть тебе приготовит и трубочку подаст. Только вот что, Бунду...— Дядюшка Хейяруддин замолчал.

— Что такое? Я вас слушаю, дядюшка!

— Да так, просто мне одна мысль в голову пришла, вот я и хотел спросить, где же ты сегодня спать будешь?

— Как так где? — недоуменно спросил Бунду.

Потом понял, на что намекает дядюшка Хейяруддин. Ведь сегодня у Ибрагима и его жены первая брачная ночь, а дом состоит из одной лишь комнаты, такой маленькой, что даже перегородить ее нельзя. Хочешь не хочешь, а уж сегодняшнюю ночь жениха и невесту нужно одних оставить.

— Да ты вот что... не беспокойся, переночуешь у меня.— И дядюшка Хейяруддин ушел, смущенно покашливая, словно он стыдился, что выразил сочувствие соседу.

«Нет, к дядюшке Хейяруддину я не пойду,— подумал Бунду,— а то от людей сраму не оберешься. Лучше уж где-нибудь в другом месте пересплю».

Становилось прохладно. Бунду снял с вешалки грубое покрывало и накинул на плечи.

«Найду где-нибудь местечко, укроюсь да как-нибудь и скоротаю время до утра,— думал он.— Ведь всего-то одну ночку».

Наконец молодые пришли. Жена Ибрагима стояла перед Бунду, чуть приподняв чадру. Она была в том самом наряде, который подарил ей Бунду. А он смотрел на невестку и не знал, что сказать ей.

Чтобы нарушить молчание, он спросил:

— Так вы пришли, Ибрагим? — и, не дожидаясь ответа, добавил: — Вот и хорошо. Вы отдыхайте, а я сегодня переночую в другом месте.

И Бунду вышел из дома.

Внизу сверкал огнями Нью-Дели. Бунду смотрел сверху, с холма, на безбрежное море огней, ему казалось, что это какой-то замечательный мастер инкрустировал бриллиантами черный каменный пол.

«Неужели в таком большом городе не найдется на ночь места для одного человека?» — подумал Бунду.

Он хорошо знал улицы Нью-Дели. Ведь этот город он строил своими собственными рука-

---

Ахмед Аббас — видный индийский писатель, активный участник движения за мир.

[1] Бенаресские и кашмирские шали славятся не только по всей Индии, но и за ее пределами.

[2] Столица Индии Дели разделена на две части: новый город и старый. В Нью-Дели размещены центральные правительственные учреждения, посольства, банки; лучшие его кварталы заселены иностранцами.

[3] Лял Киля, Джамма Масджид, Тадж-Махал, Кутуб-Минар — древние архитектурные памятники.

ми. Он знал здесь каждый дом. Вот это здание — резиденция вице-короля. В нем множество комнат. И в каждой из них могут свободно вместиться десять комнатушек Бунду. Ванные комнаты выложены мрамором и по размерам не уступают любой другой комнате. Полы в них гладкие и блестящие — хоть раскладывай на них еду и садись обедать. Огромный зал для танцев весь в зеркалах, а паркетный пол в нем так отполирован, что хоть глядись в него.

Однако сегодня во дворце почему-то темно. Ах да, вспомнил, ведь вице-король обычно уезжает на рождественские каникулы в Калькутту. Стало быть, сейчас этот огромный дворец пустует. Большие ванные комнаты, длинные террасы и огромный зал для танцев с зеркальным полом — все пустует. Разве у оставшихся здесь слуг не найдется в чулане или на веранде местечка, где бы Бунду мог переночевать?! Возле главного входа во дворец Бунду увидел деревянную будку. Может быть, она свободна; вот он и переспит в ней ночку. Но едва он подошел поближе, как из будки вышел длинноусый солдат и закричал: «Ты кто такой?» Затем, приблизившись, спросил: «Ты откуда взялся? Что ты здесь вынюхиваешь? Может, хочешь ограбить дом вице-короля?»

Не желая ронять своего достоинства, Бунду ничего не ответил и пошел прочь.

Улицы Нью-Дели протянулись во все стороны — широкие, светлые, чистые. Пожалуй, пол в доме Бунду не был такой чистый, как эти улицы. От электрического света ночью было светло, как днем. Но от яркого света не становилось теплее, и Бунду негде было согреть закоченевшие руки. Часы на почтамте пробили десять раз. Теперь Бунду уже весь дрожал от холода. Чтобы хоть немного согреться, он зашагал быстрее.

Назойливая мысль о расположении комнат во дворце вице-короля не давала ему покоя.

Такой огромный дом у одного человека! Хоть он и вице-король, но все равно это лишь один человек, а у него несколько сотен комнат. Да еще какие комнаты — в каждой из них можно разместить поселок строителей... Ванные комнаты, длинные галереи, террасы, комната для завтрака, зал для обеда, комната для ужина, танцевальный зал с зеркальным полом — и все это для одного человека! А вот для Бунду, который построил все эти дома своими руками, нет даже чулана, где бы он мог провести ночь.

Впервые сознанием Бунду овладела мятежная мысль: «Почему все это так? Почему?!»

Бунду исходил вдоль и поперек все улицы, но нигде не нашел пристанища. Когда освещенные улицы остались позади, Бунду увидел величественное здание, озаренное лунным светом. «Что это такое?» — подумал он и тут же вспомнил, что это мавзолей Хамаюна[1].

«Может, в углу, на ступеньках, найдется местечко?»

Уставшие ноги Бунду снова обрели способность двигаться, и он быстро зашагал к мавзолею. Но не успел он войти в ворота, как служащий из ведомства по охране памятников старины грубо окликнул его:

— Эй, ты кто такой? Сейчас же убирайся вон, жулье, а то получишь у меня!

[1] Хамаюн (или Хумаюн) — сын императора Бабура, завоевателя Северной Индии в первой половине XVI века.

У Бунду не было сил спорить с этим человеком. Он повернулся и зашагал в сторону Нью-Дели.

Теперь Бунду был вдвойне возмущен. Оказывается, когда царь умирает, для его мертвых костей все равно требуется огромный дворец, а для живых костей Бунду нет даже чулана. Кто построил мавзолей Хамаюна, как не предки Бунду, а теперь его гонят отсюда, как бродячую собаку... Почему все это так? Почему?! Для вице-короля требуется дворец в триста — четыреста комнат... отдельная комната для чаепития, отдельная курительная комната, отдельная комната, где пьют вино... Или этот — как его там зовут? — царь, который умер несколько сот лет тому назад... И мертвому ему нужен дворец вместо могилы... А для строителя Бунду ничего нет. Почему же это так, в конце концов? Почему?!

Бунду почувствовал, что силы совсем покидают его и ноги отказываются идти дальше. Он прилег на тротуар и завернулся в покрывало. Когда хочешь спать, даже колючки покажутся мягкими! Бунду было очень холодно, но он все же заснул.

Утром солнце выглянуло из-за гор и рассеяло туман, окутывавший Дели. Лучи его упали на дворец вице-короля. Они не могли пробиться через толстые каменные стены, и тень от дворца черной тучей легла на землю. Укорачиваясь, она скользнула по закоченевшему трупу строителя Бунду и поползла дальше.

2. ГОСПОДИН ПОЛИЦЕЙСКИЙ ИНСПЕКТОР

— Господин инспектор! — почтительно кланяясь, обратился полицейский.

— Чего тебе?

— Господин инспектор, осмелюсь еще раз обеспокоить вас из-за этого Азада. Он все еще не назвал своих сообщников. Прикажете попробовать еще раз?

— Хорошо, через полчаса приведи его сюда.

Полицейский козырнул и вышел. Открыв табакерку и достав из нее лист бетеля[2], господин инспектор погрузился в размышления. Вот уже более недели он не знает покоя из-за этого Азада. Все время приходится ломать голову над тем, как узнать у него имена сообщников. До сих пор все усилия оказывались безрезультатными. Сначала Азаду просто задавали вопросы, потом пытались уговорить; соблазняли его и наградой, но Азад молчал. Наконец прибегли к жестокостям: избивали, запирали в одиночную камеру, подвешивали за ноги вниз головой. Однако ответ был один и тот же: «Нет».

Господин инспектор наводил ужас на всю провинцию.

В запасе у него было столько способов заставить обвиняемых говорить, что к нему приезжали за советом полицейские чиновники из самых дальних мест. Закоренелые преступники трепетали при одном упоминании его имени. Но этот Азад оказался на редкость крепким орешком!

Когда все испытанные приемы не дали должного результата, инспектор решил пустить в ход последнее средство, которое было припасено для физически слабых политических заключенных из интеллигентов. Он подобрал несколько головорезов, проинструктировал их, дал каждому по бутылке пальмового вина и, когда они достаточно опьянели, приказал запереть их в одну камеру с Азадом. Избиение продолжалось всю ночь, и к утру Азад был чуть жив. Несмотря на это, надзиратель, каждый час входивший в камеру и спрашивавший: «Ну как, все еще не хочешь назвать своих приятелей?», — слышал один и тот же ответ: «Только после моей смерти».

Вот почему инспектора все время мучил вопрос: «Как сломить упорство Азада?» Ведь и посмотреть-то не на что: слабый, худой парень. Однако обвинение против него выдвинуто весьма серьезное. Необходимо во что бы то ни стало вырвать у него имена товарищей, иначе репутация инспектора будет подорвана навсегда...

Несколько месяцев назад начали поступать доносы, что Азад со своими товарищами сеет

[2] Листья бетеля употребляются в Индии для жевания.

смуту среди крестьян. Хотя Азад окончил университет, он решил поселиться в деревне. В деревне Джальпур, где он обосновался, едва насчитывалась тысяча жителей. Грамотным в деревне был только сам Азад. Поэтому, поселившись здесь, он сразу открыл школу, в которой днем обучал детей, а по вечерам взрослых. Крестьяне сначала сторонились его, но скоро учтивость и отзывчивость Азада завоевали ему всеобщее расположение. Если кому-нибудь надо было прочитать или написать письмо, он шел к Азаду; если кому-нибудь требовалась медицинская помощь, Азад неизменно спешил к больному со своей аптечкой. Не ограничиваясь обучением грамоте, он начал прививать крестьянам понятия о чистоте, гигиене, спорте.

До поры никто не возражал против того, что делал Азад, хотя полиция с самого начала внесла его имя в список подозрительных политических деятелей. Но вскоре на него начали поступать доносы.

Раньше всех возненавидел Азада деревенский ростовщик Рам Лял. Дело в том, что Азад советовал крестьянам не брать у него денег в долг; если же у человека не было другого выхода, Азад шел вместе с ним к ростовщику и следил, чтобы сделка заключалась без обмана. До этого же все делалось просто: неграмотный крестьянин, махнув рукой, оттискивал на заранее приготовленной Рам Лялом расписке отпечаток своего пальца — и конец. Крестьянам и в голову не приходило брать с ростовщика расписку в обмен на деньги, которые они вносили ему по частям. Азад разоблачил все проделки Рам Ляла, и доходы у того сократились больше чем наполовину.

Не приходил в восторг от Азада и Баширхан, сельский писарь. С тех пор, как Азад заинтересовался жизнью деревни, с крестьян стало труднее брать взятки за оформление земельных сделок, за сбор земельного налога, налога на орошение, да и мало ли еще каких налогов. До сих пор писарь рассматривал доходы этого рода как нечто совершенно естественное. Да и крестьяне считали, что лучше не становиться ему поперек дороги. Но теперь... теперь они заговорили совсем по-другому. Вот, например, что произошло один раз. Когда писарь, собирая налог, потребовал от крестьянина Будхва подарков, тот ответил: «Прошли те времена, питвари джи[1]. Вы с нас налоги собираете — это верно. Но ведь правительство вам жалованье платит, так чего же вы еще хотите?» Позже писарь узнал, что за час до этого возмутительного разговора Будхва долго беседовал с Азадом.

Для пандита[2] Шива Прашада, служителя деревенского храма, Азад тоже был бельмом на глазу. Прашад жаловался, что этот юнец подбивает неприкасаемых взбунтоваться. В деревне жила семья подметальщиков улиц, которая испокон веков убирала деревню. Поговорил с ними Азад, и они отказались бесплатно убирать дома писаря, ростовщика и брамина. Они не хотели больше довольствоваться пустыми обещаниями и не стали убирать до тех пор, пока не получили деньги.

Вдобавок ко всему Азад уговорил жителей деревни, и те дали свое согласие, чтобы он принял в школу детей из семьи подметальщиков, и теперь они обучались вместе с остальными мальчиками и девочками. Но особенно разъярился брамин, когда эти подметальщики потребовали, чтобы он разрешил им молиться в храме.

Маула Бахш был муллой единственной в деревне мечети. Он постоянно соперничал с брамином Шива Прашадом. Натравливая мусульман против индусов, а индусов против мусульман, они оба грели на этом руки. Если, к примеру, Маула Бахш собирал деньги якобы на ремонт мечети, а на самом деле — на приданое своей дочери, то Шива Прашад сразу начинал подзадоривать индусов, почему бы, дескать, и им не сделать свой храм еще более величественным, и на собранные под этим предлогом деньги покупал украшения для своей жены.

Но в отношении Азада оба они — и мулла и пандит — проявляли полное единодушие: они знали, что его пребывание в деревне бьет по их интересам. Маула Бахш говорил, что Азад, обучая крестьян и их детей грамоте, превращает их в неверных. К тому же мулла не мог примириться с тем, что дети мусульман и дети индусов ходили в одну школу. Что же касается обучения грамоте девочек, то у муллы на этот счет было твердое мнение: писать и читать они учатся для того, чтобы сочинять любовные записочки, а географию учат, чтобы знать, как уйти из родительского дома.

Тахсильдар сахиб[3] и его подчиненные тоже считали, что дальнейшее пребывание Азада в деревне Джальпур весьма опасно. Будь на то их воля, они не разрешили бы ему и дня оставаться в пределах подопечной им территории.

Подумать только, до чего дошло! Когда в декабре помощник тахсильдара объезжал свой район, крестьяне наотрез отказались бесплатно снабжать его братию продовольствием: они заявили, что если господину нужны яйца, масло, куры, овощи, пусть выкладывает денежки. Когда же сам тахсильдар поехал в декабре по району и остановился в Джальпуре, ему пришлось столкнуться с неслыханным безобразием. Представляете себе: въезжает он на машине в деревню — и хоть бы одна собака его встретила! Вышли только старший писарь, ростовщик Рам Лял, пандит Шива Прашад да мулла Бахш. А ведь раньше стоило показаться его автомобилю, сразу со всей деревни сбегались босоногие, чумазые и голодные ребятишки и толпой окружали его; мужчины, заранее выстроившись в длинную шеренгу, почтительно приветствовали начальство, а женщины, выглядывая из своих домов, низко кланялись его «ахтомобилю». Тахсильдар сахиб величественно приподнимался на сиденье и еле заметным кивком отвечал на приветствия своих подданных. Потом он бросал несколько пайса[4] в толпу ребятишек, и его жирное, откормленное на взятках тело исчезало в великолепной белой палатке.

Но в этот раз тахсильдар был крайне удивлен, а еще больше разгневан: сигнал его автомашины не вызвал в деревне обычного переполоха. Крестьяне спокойно занимались своим делом. Женщины либо несли на поля еду для своих мужей, либо сидели в домах за прялкой, либо были заняты другими делами. Ребята находились в школе у Азада. Тахсильдар сахиб расценил это проявление независимости деревенских жителей как пощечину своей персоне. И когда в тот же вечер писарь, ростовщик, брамин и мулла — эти четыре столпа деревенского общества, вершащие его судьбы,— в один голос пожаловались на Азада и представили длинный перечень его тягчайших преступлений, стало ясно, что деятельности Азада отныне должен быть положен конец.

Спустя несколько дней в деревне было получено сообщение, что в скором времени состоится конференция крестьянских деятелей, которая обсудит вопрос об отказе платить налоги в связи с засухой и неурожаем. Полиция забеспокоилась и приняла контрмеры, но ей не было известно, когда состоится эта конференция. После многодневных усиленных поисков один из осведомителей ночью сообщил, что представители крестьян собрались у Азада. Полиция произвела налет, но товарищи Азада в самый последний момент были ка-

[1] Питвари — писарь, сельский счетовод.
[2] Пандит — служитель культа.
[3] Тахсильдар сахиб — окружной инспектор по сбору налогов.
[4] Пайса — мелкая монета.

ким-то образом предупреждены и успели незаметно скрыться под покровом ночной темноты. Когда прибыл полицейский инспектор со своими молодчиками, в доме не было никого, кроме самого Азада. Инспектор скрежетал зубами в бессильной злобе. Произвели обыск и обнаружили кое-какие бумаги, и среди них — четко сформулированную программу движения за неуплату налогов. Ознакомившись с нею, власти без труда могли подавить это движение в самом зародыше. Однако списка руководителей движения не могли найти, а без этого невозможно было обвинить Азада в тайном заговоре. Инспектор тщательно обшарил все углы в доме, но не нашел ничего, что могло бы дать ему в руки нить. Да и как он мог найти эту нужную ему бумагу, если Азад проглотил ее, едва заслышав шаги полицейских?

По приказу высшего начальства инспектор арестовал Азада и пустил в ход весь свой знаменитый арсенал средств, чтобы заставить его заговорить, но все испытанные средства не дали никакого результата, и это поставило его в тупик.

«Как же заставить говорить Азада?» Озабоченный этой мыслью, инспектор склонил голову на грудь и задремал. Оно и не удивительно. Жена приготовила сегодня на обед курочку, и он плотно поел... Был жаркий летний полдень... Полицейский размеренно помахивал веером... И сон сразу взял господина инспектора в свои мягкие объятия...

Шум чьих-то шагов привлек внимание господина инспектора. Дверь кабинета была закрыта, в комнате стоял полумрак, и в этом полумраке вырисовывались неясные очертания человека. Инспектор сразу узнал того, кого ждал. Руки Азада были закованы в кандалы; за спиной у него стоял полицейский с веревкой. На умном и выразительном лице Азада были заметны следы пыток, перенесенных им за последние семь дней. Но даже сейчас его лицо улыбалось. Эта улыбка приводила инспектора в бешенство и пугала его сильнее, чем упорство и твердость Азада. Эта улыбка выражала одновременно и уверенность в своих силах и презрение к низости инспектора. Она была острее меча, она жгла сильнее огня. Инспектор вне себя от ярости крикнул полицейскому: «Какого черта стоишь?!. Бей его, бей, пока всех не назовет!»

Полицейский скрутил веревку жгутом и отступил на шаг, чтобы ударить посильнее. Он стегнул Азада по спине, но лицо последнего попрежнему улыбалось, а глаза смотрели на господина инспектора с холодным презрением. Инспектор видел, что в этом взгляде нет страха.

Полицейский взмахнул несколько раз плетью, измерил взглядом расстояние между собой и спиной Азада и изо всех сил ударил его.

Из груди инспектора вырвался стон, словно плеть обожгла его собственную спину. На лице же Азада играла прежняя улыбка. Полицейский, наклонив голову, продолжал свое дело. Удары градом сыпались на спину Азада... Господин инспектор вскрикивал: хоть он и видел, что солдат бил Азада, но ему казалось, что все удары ложатся на его собственную спину. Азад же продолжал улыбаться, словно издеваясь над инспектором.

Полицейский, видя, что Азад не поддается, начал наносить удары с удвоенной силой. Инспектор продолжал кричать. Ему казалось, что от града ударов собственная его спина покрылась кровоточащими рубцами. И когда солдат изо всех сил еще раз ударил Азада, инспектор закричал: «Довольно! Прекрати!» Он хотел подняться со стула и... проснулся.

В комнате никого не было. «Неужели это сон?» — пронеслось у него в голове. Но все его тело было покрыто холодным потом, спина болела. Он испуганно обернулся. Сзади стояла его маленькая дочь и тихо поглаживала его по спине. Увидев, как испугался отец, она залилась громким смехом.

В это время на веранде послышался шум шагов, и в комнату вошел Азад в сопровождении полицейского. Он попрежнему улыбался.

— Что прикажете делать с ним дальше, господин? — спросил полицейский.

Инспектор потрогал рукой поясницу и, чтобы скрыть волнение, вытер со лба капельки пота, но дрожь в голосе выдавала его.

— Что та-та-такое? К-к-то это? — Инспектор, наводивший ужас на всю округу, заикался перед преступником.— Ах, это господин Азад... Е-е-его на-на-надо освободить... Никаких доказательств заговора не найдено.

Азад улыбнулся, словно он знал о настоящей причине волнения инспектора.

Полицейский подумал, что мозги господина инспектора размякли от жары, однако, повинуясь приказу, он снял наручники с Азада и вышел вместе с ним.

Инспектор, обернувшись, посмотрел на свою дочь, которая поглаживала маленькой ручкой его спину.

С этого дня инспектор перестал быть грозой для всей округи и превратился в одного из самых никчемных полицейских чиновников.

3. ЧУДО

Новость, сообщенная акушеркой, мигом облетела всю деревню. День был нерабочий, и люди целыми толпами валили к домику Раму. Всем хотелось узнать, правду ли сказала повитуха или все это выдумка.

— Ну и ну! Отродясь такого не видывал!

— Уж если бог захочет дать, так даст в обе руки!

— У Раму жена — счастливица. Ладно бы один, ну, два, а то целых...

— Ха-ха-ха!

— Чего хохочешь? Что тут смешного?

— Смешного, конечно, мало. Я просто подумал: на вид Раму — заморыш заморышем, а вон каким героем оказался.

— Говорят, он на седьмом небе. С самого утра напился бханга[1] и валяется пьяный.

— Такое событие грех не отметить! Ведь он до сих пор и на одного-то не был способен...

— Интересно, как это так получилось? Поздравлять, ясное дело, надо его жену.

— Слушай, Пандит джи[2], а ведь такого, поди, и в метрополии не случалось?

— Куда уж им там тягаться с нами!

— Теперь жена Раму на весь мир прославится.

— А как же! И деревня наша Парджапур тоже знаменитой станет.

Городской почтальон, доставивший в этот день письма в деревню Парджапур, тоже услыхал новость. Вернувшись в город, он рассказал обо всем начальнику почтового отделения. Тот немедля передал его рассказ своему соседу Кандан Лялу — врачу, работавшему в больнице. А врач поведал об услышанном своему давнему клиенту, которого пользовал от геморроя,— председателю городского комитета партии Национальный конгресс Ляла Банси Дхару. Последний, захватив лекарство, направился в сад имени Ганди, чтобы председательствовать на митинге, посвященном Дню свободы. По дороге Ляла Банси Дхара догнал учитель городской муниципальной школы Брадж Нарайн, который по совместительству являлся местным корреспондентом газеты «Дэш Дипэк».

— Ляла джи,— сказал Брадж Нарайн,— я попрошу вас сообщить мне тезисы вашего выступления, чтобы я мог сейчас же передать их в газету по телеграфу, иначе ваша речь не попадет в утренний выпуск.

Ляла Банси Дхар охотно вынул из кармана пачку исписанных листков и вручил ее Брадж Нарайну.

Потом они разговорились, и Ляла Банси Дхар рассказал Брадж Нарайну все, что слышал от врача Кандан Ляла.

— Да может ли такое быть, Ляла джи? Это не выдумка? — воскликнул пораженный Брадж Нарайн.

— В том-то и дело, что не выдумка! Мне сейчас рассказал об этом сам Кандан Лял.

— Стало быть, это правда. Вы подумайте, какой исключительный случай! Вероятно, доктор лично принимал роды?

— Разумеется, без него не обошлось!

На следующий день газета «Дэш Дипэк» не опубликовала выступления Ляла Банси Дхара. Вместо этого на первой странице крупным жирным шрифтом было напечатано:

«Подарок крестьянки родине-матери.

В день 15 августа[3] она родила пятерых детей.

Наш специальный корреспондент сообщает по телеграфу из Бхимнагара. Вчера утром в деревне Парджапур, расположенной неподалеку от города, одна крестьянка родила пятерых детей — трех мальчиков и двух девочек. Состояние здоровья детей и матери хорошее. Роды принимал бхимнагарский врач Кандан Лял, который в исключительно трудных условиях блестяще справился со своими обязанностями. Весть о рождении пяти близнецов вызвала волну радости и восхищения не только среди парджапурцев, но и среди жителей всех окрестных сел и деревень. К дому роженицы непрерывным потоком движутся толпы людей, чтобы взглянуть на пятерых близнецов и их мать. В самом городе Бхимнагаре по этому поводу ходят различные слухи. Многие отказываются до опубликования официального подтверждения верить в возможность подобного случая. В связи с этим делегация в составе наиболее уважаемых граждан во главе с председателем городского комитета партии Национальный конгресс Ляла Банси Дхаром срочно направляется в деревню Парджапур.

В некоторых религиозных кругах придают большое значение этому исключительному событию и считают, что рождение пятерых детей-близнецов может быть истолковано как чудо. Однако националисты придали этому «чуду» чисто политическую окраску. Так, вчера вечером Ляла Банси Дхар в своей речи, посвященной Дню свободы, заявил: «В благословенный день пятнадцатого августа жена нашего уважаемого парджапурского крестьянина Раму, родив пятерых детей-близнецов, преподнесла своей родине-матери неоценимый подарок».

Впоследствии сообщение газеты «Дэш Дипэк» было распространено информационным и телеграфным агентствами и напечатано в семистах пятидесяти газетах Индии. Иностранные корреспонденты также немедленно настрочили телеграммы, и через несколько часов это сообщение облетело весь мир. Сто двадцать пять индийских и пятьдесят пять иностранных газет посвятили этому вопросу специальные передовые статьи. Известная националистическая газета «Конгресс тайм» писала:

«Патриотка-крестьянка, родив пятерых детей-близнецов в день пятнадцатого августа, не просто увеличила население своей родины на пять человек,— она тем самым доказала, что все крестьяне Индии ценят свободу и всячески поддерживают свое национальное правительство.

Мы от всей души поздравляем нашего брата-крестьянина Раму и его законную супругу Ляджу. Мы хотим их великий пример противопоставить социалистам, которые много разглагольствовали, но ничего не смогли осуществить на деле».

Еженедельный орган «Дэш Сейнак» в своей пламенной передовой статье писал:

«Родив пятерых детей-близнецов, наша сестра-крестьянка Ляджу подняла наше достоинство, ибо до сегодняшнего дня мы стыдливо преклонялись перед Канадой, где живут пять сестер-близнецов. Сегодня телеграфное агентство Канады передало сообщение, что пять канадских девушек-близнецов из знатного рода послали поздравительную телеграмму на имя пяти парджапурских близнецов...»

Газета «Бхарт Бхишам» писала по этому поводу следующее:

«Канадцам не следует помышлять о том, что они смогут догнать нас, индийцев, в отношении численности населения. Родить пятерых сразу — это еще не все. Пусть они не забывают, что среди тех пятерых детей-близнецов, которых родила наша сестра, не один, не два, а целых три мальчика».

Другая газета, «Раштрия Севак», писала:

«Если все жители Индии последуют примеру Раму и Ляджу, то очень скоро численность индийцев возрастет настолько, что мы сможем заселить весь мир. Мы советуем правительству создать комитет из специалистов-врачей, который бы обсудил этот вопрос и разработал предложения, обеспечивающие возможность каждому индийцу-мужу стать таким,

---

[1] Бханг — наркотический напиток, изготовляемый из настоя листьев индийской конопли.

[2] Джи — почтеннейший.

[3] 15 августа 1947 года — день предоставления Индии статута доминиона.

как Раму, и каждой индийской женщине стать такой, как Ляджу...»

В ответ на это орган социалистов «Джаната газет» писал в своей передовой статье:

«Численность населения нашей родины и без того слишком велика. В стране не хватает хлеба. Если каждый из нас будет рожать сразу по пяти детей, это еще больше увеличит безработицу и сделает голод еще более ужасным. Правительству не удастся отвлечь своими баснями внимание народа от его основных требований — требований обеспечить продовольствие и жилища».

Журнал «Шанкар уикл» поместил на своих страницах карикатуру. На ней изображалась женщина-крестьянка, просящая у министра по делам продовольствия карточки для своих пяти новорожденных деток; при этом господин министр на карикатуре так взволнован, что гандистская шапочка слетела у него с головы.

Газета «Дабли Каль» в отделе происшествий напечатала следующее:

«Пока еще не получено подтверждений того, что правительство после провала кампаний, проходивших под лозунгами «Сажайте больше деревьев!», «Выращивайте продукты питания!», сейчас занялось обсуждением мероприятий по проведению новой кампании под лозунгом «Рожайте по пяти детей сразу!»

Всеиндийская конференция женщин объявила о праздновании «Дня Ляджу». А президент Индии Роджендра Прасад послал поздравительную телеграмму на имя Раму. Председатель всеиндийской организации «Хинду Махасабха» [1] заявил в своем выступлении следующее:

«До тех пор, пока в Индии будут такие мужчины, как Раму, и такие женщины, как Ляджу, никто не посмеет покушаться на индийскую религию, на индийскую нацию, на индийскую культуру».

Некий знаменитый доктор выступил на собрании членов аристократического клуба с докладом на тему: "Парджапурские близнецы и значение их для медицины». А из Нью-Йорка было получено сообщение, что группа американских врачей вылетает на специальном самолете в Индию, чтобы произвести медицинское обследование Раму и Ляджу. Между прочим, одна прогрессивная иностранная газета высказала по этому поводу мнение, что индийцам не мешает держать ухо востро.

Три новых родильных дома, открытых в городах Лакнау, Нагпуре и Бомбее, были названы именем Ляджу.

Один великий иог, возвратившись из паломничества в святые места Амрнатха, заявил, что на двадцать первом дне аскетической жизни ему было видение, будто одна крестьянка родит сразу пятерых детей, и в том из них, у которого на левой ноге будет круглый знак, воплотится бог Кришна. После этого иоги и различные жрецы потоком хлынули в Парджапур: необходимо было осмотреть новорожденных. Один из иогов заявил, что круглый знак имеется на ногах у всех пятерых близнецов. Другой сказал, что такого знака нет ни у одного из новорожденных. Остальные иоги придерживались того мнения, что у одного ребенка все-таки есть на ноге круглый знак, однако они никак не могли придти к единому мнению относительно того, у какого именно ребенка имеется этот знак.

Из Тибета сообщили, что там одна крестьянка родила сразу шестерых детей, но позднее оказалось, что это утка. Затем в газетах появилось сообщение, будто в Советском Союзе одна женщина-сибирячка родила семерых близнецов. Однако американские газеты немедленно опровергли это сообщение.

В течение недели все газеты писали о детях Раму и Ляджу. Сотрудник одной из газет даже подсчитал, что всего в мире было опубликовано восемьдесят тысяч пятьсот семь заметок, посвященных этому вопросу.

Тогда же в Индии была создана «Ассоциация имени Раму и Ляджу». Она приняла решение послать в Парджапур депутацию и обратилась с воззванием о сборе ста тысяч рупий, необходимых для деятельности ассоциации. В скором времени было собрано девяносто тысяч рупий, из коих десять тысяч рупий внес известный националист-банкир, у которого было семь жен, причем ни одна из них так и не смогла родить ему ни одного ребенка.

[1] «Хинду Махасабха» — крайне реакционная организация индусов.

Председателем ассоциации была избрана Нель Кантх Сипарвала. Эта уважаемая госпожа через пять лет должна была отпраздновать свою серебряную свадьбу, однако потомством обзавестись не сумела, и детей ей заменяли комнатные собачки. Депутацию избрали в составе семи человек, в числе которых были доктор, адвокат, профессор, три фабриканта и одна почтенная дама из общества. Комментируя состав депутации, репортер одной из газет отмечал, что у семи членов этой депутации в сумме насчитывается как раз пять душ детей, так что с этой точки зрения они, несомненно, могут стоять рядом с Раму и Ляджу.

За тринадцать тысяч рупий для депутации наняли специальный самолет. На одну тысячу рупий были закуплены цветы и различные украшения для детей Раму и Ляджу. Девять тысяч рупий было выделено членам депутации на дорожные расходы. Семь тысяч рупий было уплачено за содержание конторы ассоциации. Из оставшихся денег на одну тысячу рупий были закуплены игрушки и куклы, изготовленные на фабрике коммерсанта Чаудхри Чанда — одного из членов депутации. Это принесло его фабрике около семисот рупий чистой прибыли. К тому же фотографии этих игрушек появились в газетах, и фабрика таким образом имела хорошую и бесплатную рекламу своих изделий: продажа игрушек увеличилась после этого в три раза. Затем на две тысячи рупий была заказана одежда для детей Раму и Ляджу. Из этой суммы часть денег досталась фабрике Карвари, другая часть — портновскому дому Тека Чанда. Короче говоря, все девяносто тысяч рупий были реализованы, и депутация вылетела в город Бхимнагар. Оттуда на автомашинах ее доставили в деревню Парджапур. Депутацию сопровождало несколько десятков корреспондентов и фоторепортеров, и в одно прекрасное время к лачуге Раму подкатила целая автоколонна. Услышав шум, Раму вышел во двор. Он по обыкновению был вдрызг пьян. Окинув воспаленными глазами все это сборище людей, Раму спросил заплетающимся языком:

— Эт-то что т-такое?.. Чего н-надо?

Госпожа Нель Кантх Сипарвала стала быстро зачитывать адрес: «От имени трехсот пятидесяти миллионов сынов Матери-Индии мы поздравляем господина Раму и госпожу Ляджу с благословенным днем рождения детей-близнецов, факт появления которых на свет, несомненно, прославил величие нашей родины. В лице госпожи Ляджу сегодня мы видим лицо Матери-Индии. Эти дети — гордость не только Раму и Ляджу, но и гордость всей страны. Они наше драгоценное сокровище, озаряющее весь мир. Отныне вся наша нация несет ответственность за воспитание этих детей. Мы просим господина Раму и госпожу Ляджу принять от нас эти игрушки и одежду, присланные для деток их соотечественниками...»

До сих пор Раму стоял молча и глядел на нежданных гостей прищуренными глазами. При упоминании об игрушках и одежде он разразился ужасным хохотом и закричал:

— Игрушки! Тряпки! Ступайте, надевайте все это на них!

Он выхватил из рук госпожи Нель Кантх Сипарвала шелковую накидку и крикнул в дом своей жене:

— Ляджу!.. Эй, Ляджу! Нечего тебе плакать!.. Посмотри, сколько всякой всячины навезли для твоих деток... Они, бедняжки, остались без молока? Ну и что из этого? Они не получали лекарств? Подумаешь! Крыша нашей норы протекает, и поэтому дети заболели воспалением легких и...— Раму махнул рукой.— Все это чепуха. Зато им привезли шелковый саван...

Ошарашенные члены депутации вошли внутрь и увидели такую картину: в углу сидит Ляджу и плачет, спрятав лицо в ладони, а на сыром земляном полу перед ней лежат пять маленьких трупиков, завернутых в грязные лохмотья.

Рассказы «Строитель Бунду» и «Чудо» переведены Ю. ЛАВРИНЕНКО, рассказ «Господин полицейский инспектор» переведен Н. АНИКЕЕВЫМ и Ю. ЛАВРИНЕНКО.

В японских театрах

Артист Каварадзаки в роли Минамото Иосистуне. Спектакль «Канзинче».

«...Общество, которое рассматривает человека только, как орудие своего обогащения — противочеловечно,— несутся в притихший зал страстные слова Павла Власова, переведенные на японский язык,— оно враждебно нам, мы не можем примириться с его моралью, двуличной и лживой... Мы хотим и будем бороться против всех форм физического и морального порабощения человека таким обществом...»

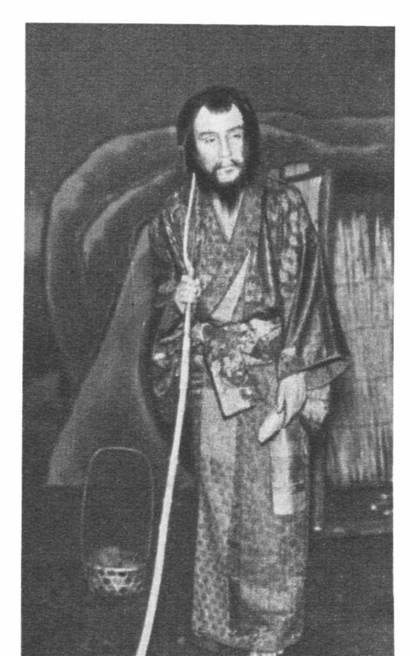
Публика горячо аплодирует. В речи Павла — именно то, о чем думает и что переживает каждый честный человек в современной Японии. Вот почему спектакль «Мать» по роману М. Горького в постановке «Нового театра» («Синкио гёкидан») пользуется успехом у зрителей, вот почему в течение пяти дней его просмотрело до десяти тысяч человек.

— Я знал,— заявил артист Оримото,— что из публики на меня будут смотреть люди, похожие на Павла.

Театральный коллектив «Синкио гёкидан» не имеет своего помещения. Он работает главным образом на периферии и в Токио выступает редко. Однако популярность его среди токийцев столь же велика, как и в провинции. В состав его входят артисты-профессионалы, изгнанные правительством Иосида из театров и кино за демократические убеждения, за активную деятельность в защиту мира и независимости Японии. В репертуаре театра — пьесы советских и прогрессивных японских авторов.

Большой любовью японского народа пользуется и другой прогрессивный японский театр, «Дзенсинза» («Вперед»). Он существует уже свыше 20 лет. Его основали бывшие артисты театра «Кабуки» — Тиодзиро Каварадзаки и Накамура Канэмон. Молодых и талантливых артистов перестала удовлетворять работа в «Кабуки». Театр этот возник около 300 лет тому назад как народный, отражавший быт и нравы третьего сословия (торговцев, крестьян), и благодаря этому приобрел огромную популярность. Но, стремясь сохранить нетронутыми старые сценические каноны и условности, а также свой репертуар, «Кабуки» постепенно утратил прогрессивное значение. Порвав с этим театром, Каварадзаки и Накамура руководят теперь работой нового, созданного ими театра, близкого и понятного широким массам. Отказавшись от многих условностей феодального театра, свойственных «Кабуки», режиссеры упростили игру и язык артистов. Главным героем своих спектаклей театр «Дзенсинза» сделал бесстрашного борца за счастье народа. Содержание постановок, даже если они относятся к прошлому, непосредственно связано с современностью и приобретает острый политический смысл.

Накамура Канэмон в спектакле «Сюнкан» С. Монзаемона.

Спектакли театра (дневные и вечерние) проходят всегда при большом стечении публики. Новый зрительный зал «Дзенсинза» в Токио, вмещающий 500 человек, всегда переполнен. Зрители — рабочие, студенты, учителя, мелкие и средние торговцы, домохозяйки — приходят в театр со своими семьями, располагаясь по местному обычаю прямо на полу. Представления в театре обычно заканчиваются выступлением кого-либо из ведущих артистов, который обращается к зрителям с речью, призывая их включиться в активную борьбу за дело мира, против перевооружения Японии.

Труппа дает свои представления и в других крупных городах Японии. Бригады актеров выступают на заводах, в деревнях, в рыбацких поселках. В их репертуаре, кроме пьес, как правило, имеются скетчи на злобу дня, написанные самими участниками коллектива, народные танцы, музыка.

Интересна сама организация жизни этой труппы. Коллектив театра существует на средства, вырученные от спектаклей и концертов. Большинство актеров с семьями живет на территории театра. Дети их до 17-летнего возраста находятся на иждивении театра и получают образование в специально организованной для них школе. Большинство актеров и их жен, которые также работают в театре,— прогрессивные деятели искусства Японии.

С момента основания театра его коллектив, насчитывающий в своем составе более 50 актеров, ведет непрестанную упорную борьбу за народное реалистическое искусство, за свободную, демократическую Японию и подвергается поэтому жестоким репрессиям. Театр облагают непосильными налогами, его артистов арестовывают, спектакли запрещают или допускают только под наблюдением полиции. Бывали случаи, когда полиция попросту разгоняла зрителей со спектаклей. Однако все это лишь способствует популярности театра среди японского населения. Только в прошлом году спектакли театра «Дзенсинза» просмотрело более 500 тысяч человек.

Бережно хранит коллектив театра письма артистов МХАТа. В своих письмах артисты замечательного советского театра отмечают заслуги «Дзенсинза» в деле развития японского реалистического театрального искусства и желают ему успехов в его работе.

Художественный руководитель театра Каварадзаки говорит: «Мы стремимся сделать свои спектакли высокохудожественными и мечтаем со временем применить у себя знаменитую «систему Станиславского».

Преодолевая постоянные трудности, в обстановке полицейских преследований, демократические театры Японии стремятся создавать реалистическое искусство, отражающее чаяния народа.

Не только спектакли, но и концерты, устраиваемые японскими демократическими организациями, проходят в переполненных залах. Рабочие, учителя, студенты приходят послушать классические и современные народные песни, познакомиться с советской музыкой. Импровизированные концерты устраиваются прямо на улицах, — зрители здесь являются вместе с тем и актерами. Девушки и юноши в ярких кимоно исполняют национальные японские танцы, поют чудесные народные песни, читают свои стихи, в которых нередко можно услышать истинное мнение простого японца о правящих кругах страны и их заокеанских хозяевах.

Тяжелое время переживает японский театр. Немногие сохранившиеся стационарные театры (на 84 миллиона населения их имеется всего четыре) ставят циничные пьесы, вроде «Мадам Садоякко едет в Америку», или выступают с пьесами, повествующими о древнейших временах японской истории. Язык этих пьес столь же архаичен, как и содержание.

Упадок и разложение можно наблюдать и в современной японской живописи, подражающей худшим образцам декадентской западной живописи, и в современной японской музыке, пытающейся чудесные старинные песни Японии переделать в фокстроты и американские «буги-вуги». Но это «искусство», субсидируемое японским правительством, не имеет ни малейшего отношения к широким массам японского народа.

Японский народ танцует свои танцы, поет свои песни, читает свои книги.

М. АНДРЕЕВ

В театре «Дзенсинза». Режиссер Т. Каварадзаки и известный исполнитель женских ролей К. Кунитаро.

Короткие рассказы о прошлом

Д. ГУЛИА,
народный поэт Абхазии

Рисунки В. Высоцкого.

О человеке

У князя Ча́гу умер молочный брат. К князю был послан горевестник. Он подскакал к крыльцу и, осадив коня, громко позвал:

— Ча́гу!..

Князь вышел на крыльцо:

— В чем дело?

— Твой молочный брат Сагеса помер! — крикнул гонец.

Надменному князю Ча́гу не понравилось, что горевестник говорит с ним так свободно. Он сказал всердцах:

— Я понимаю, что Сагеса умер. Но не могли они, что ли, человека послать ко мне с этой вестью?!

— Извини, князь, но человека послали к человеку, а меня к тебе! — ответил гонец, ударил коня плеткой и поскакал дальше.

Епископ и пастух

В Пицунду, где стоял древний храм, как-то приехал епископ на богослужение.

Народу собралось много: все ж таки епископ служит, любопытно. Пастух гнал мимо церкви свое стадо. Видит, народ собрался, служба идет. Ему тоже захотелось посмотреть на епископа, он и вошел в церковь. Стоит в углу, босой, в лохмотьях, с топориком за плечами, и не может глаз оторвать от почтенного бородатого епископа, произносившего проповедь. Стоял, глядел и вдруг заплакал. Епископ, прервав проповедь, обратился к нему:

— Чего ты плачешь, сын мой?

Пастух зарыдал еще громче. Епископ и говорит народу:

— Вот как этот простой человек умилился душой от слова божьего! Скажи им, сын мой, чем тебя так растрогала моя проповедь?

Прихожане обступили пастуха.

— Волки-бродяги разорвали недавно моего козла! — сказал пастух.— Бедный, бедный козлик, забыть его не могу! Борода у него была в точности такая, как у тебя, батюшка!..

Чиновник и крестьяне

Один важный чиновник из канцелярии самого наместника Кавказа проезжал однажды через село Лы́хны. Местные крестьяне поднесли ему хлеб-соль и обратились с просьбой разрешить открыть в селе четырехклассную школу.

— Есть у нас двухклассная школа,— сказал один из крестьян,— но посуди сам, господин, чему можно научиться, окончив два класса? На сельского писца — и то не выучишься!..

На это чиновник наставительно заметил:

— Если человек способный, ему и двух классов хватит. А тупице не помогут и десять!

— О, знатный гость! — сказал крестьянин.— Ты, по всему видать, окончил всего лишь два класса. Не надо

нам другой школы, кроме такой, какую ты окончил!

В толпе поднялся смех, а чиновник еще больше надулся, ткнул кучера кулаком в спину и укатил.

Перевел с абхазского
Леонид ЛЕНЧ.

Казаут поймал перепелку

Казаут поймал перепелку. Торжествуя, нес ее домой. Навстречу — друзья.

— Ого, смотрите, Казаут тащит перепелку! Как ты ее поймал? Расскажи!

Казаут горячо заговорил:

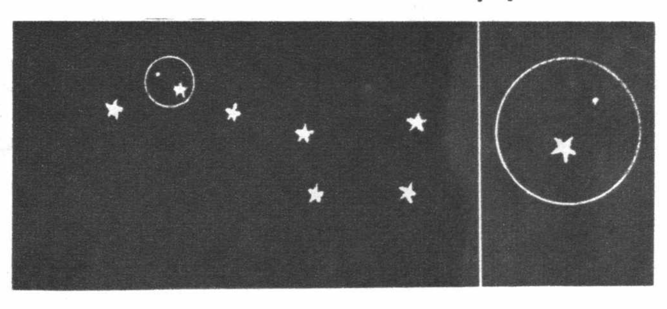
— Трудная была охота! Сначала я поймал стрекозу. Потом на эту приманку я словил птичку-сорокопута. Эта птичка тоже превратилась у меня в приманку, я стал с нею охотиться за ястребом. Ходил, ходил, но все ж таки выследил и взял его, разбойника! Потом стал учить ястреба брать перепелок. Бился, бился — обучил! И только тогда сцапал эту перепелку!..

Друзья стояли и удивлялись: так много труда, хитрости, сноровки, а результат — одна маленькая перепелочка.

И кто-то из них сказал:

— Слушай, Казаут, что ж бы тебе пришлось сделать, если бы ты не перепелку, а буйвола захотел сцапать?!.

ГЛАЗА И ЗВЕЗДЫ

Созвездие Большая Медведица, в кружке — Мицар и Алькор.

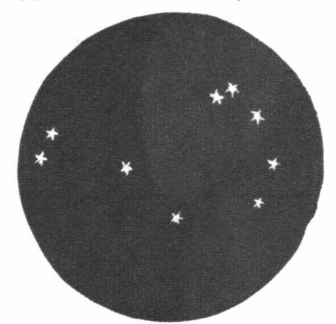
Глазной врач испытывает зрение по специальным таблицам, на которых изображены последовательно уменьшающиеся буквы. В древности, когда еще не было врачей-офтальмологов и не было таких таблиц, остроту зрения испытывали по звездам. Во Вселенной существуют созданные самой природой таблицы-созвездия, по ним и сейчас можно проверить, как хорошо видят глаза.

Великолепное созвездие Большая Медведица, семь звезд которого на темном фоне неба образуют фигуру огромного золотого ковша, общеизвестно. Арабы называли этот ковш колесницей, рассматривая четыре звезды ковша как ее колеса, а три звезды в ручке как лошадей, запряженных гуськом. Среднюю из них, звезду второй величины, они называли Мицаром. Над ней, подобно всаднику, «сидит» слабенькая звездочка пятой величины — Алькор, найти которую рядом с ярким Мицаром не так легко. По этой звездочке арабы судили о силе зрения, считая зоркими тех, кто видел всадника на Мицаре. «Я ему показал Альсуга (Алькора), а он мне указывает полную Луну», — гласит арабская пословица, подчеркивая крайние степени яркости и видимости светил ночного неба.

Широко известны Плеяды — характерная стайка звезд в созвездии Тельца, переливающаяся, как горсточка бриллиантов. Образующие ее звезды неярки и расположены настолько тесно, что это последнее обстоятельство отразилось в ряде других названий стайки: Наседка с цыплятами, Виноградная кисть, Решётка.

Для близорукого созвездие Плеяды сливается в светлое пятно, для человека с нормальным зрением оно распадается на шесть звездочек третьей и четвертой величины; следующие относятся к пятой — седьмой величине, и, следовательно, чем больше звезд свыше этих шести видит глаз, тем зрение острее. Пределом видимости невооруженным глазом считается четырнадцать звезд: так видел Местлин, учитель знаменитого «законодателя неба» Кеплера. Столь зоркие глаза — редкость: даже обладая превосходным зрением, трудно насчитать десять звезд. Но в этом мерцающем, тесном скоплении за видимыми глазом угадывается множество других звезд. Не потому ли у нас это созвездие называют Стожарами, что некоторыми толкуется, как сто огней.

В действительности их даже не сто, а тысячи: на одной из фотографий Плеяд насчитали 2 326 звезд!

Созвездие Плеяды.

Наши глаза не строго тождественны между собою. Нередко можно встретить людей, различающих одним глазом больше Плеяд, чем другим, или видящих Алькора только одним глазом. Поэтому, проверяя зрение по звездам, следует испытать силу не только обоих глаз вместе, но и каждого в отдельности.

Б. АЛЕКСЕЕВ

Из почты «Огонька».

Комнатный ананас

У меня на квартире вот уже двенадцатый год растет в горшке тайванский ананас.

В 1941 году у недозрелого ананаса была срезана крона и помещена в банку с водой. Через два месяца, когда крона дала белые корешки и появился третий листок, ананас был пересажен в горшок с землей.

Комната, в которой находится ананас, солнечная, растение обильно поливается и выросло с 8 до 65 сантиметров.

Зимой ананас хорошо переносит температуру до +1 градуса.

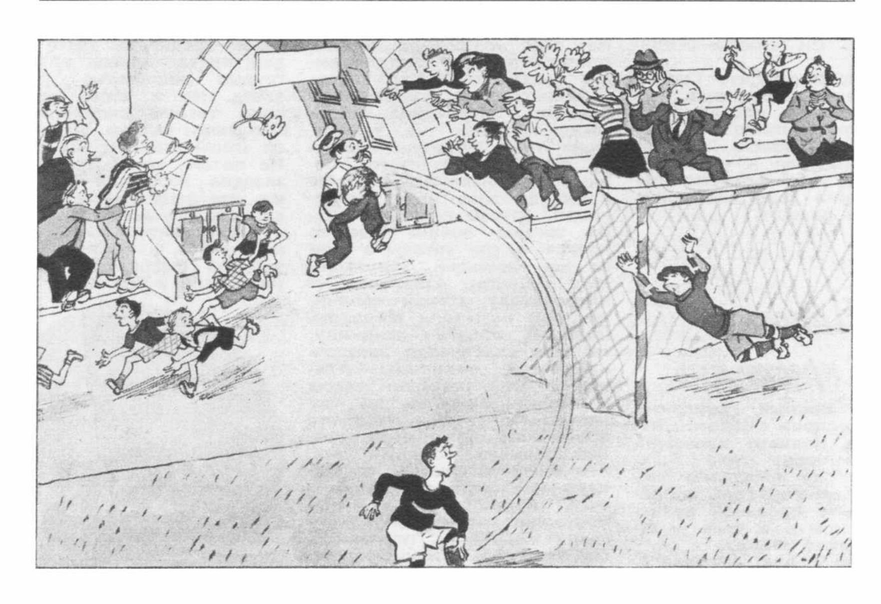
Острые, колючие листья ананаса очень твердые и выглядят неприхотливыми, однако, если их чуть надломить или помять, они сохнут и погибают. Отсыхают листья даже от долгого соприкосновения с окном или занавеской.

Ю. ФИВЕЙСКИЙ

г. Владивосток.

Наши футболисты плохо владеют ударами по воротам.
(Из газет)

Мяч в воротах!..

Рисунки Ю. Черепанова.

Неречистый человек

Ульрих ШПЕЙТЕЛЬ

Отто Герлах был личностью самой обыкновенной. Но у него имелись две бросавшиеся в глаза особенности: он очень старательно обрабатывал свою пашню и на собраниях молчал.

Первая особенность привела к тому, что крестьяне общины Рабенхюгель охотно приняли его в члены производственного кооператива, а потом даже решили избрать его председателем кооператива. Но этому мешала вторая особенность характера Отто Герлаха: он был не речист.

— Не умею я говорить, когда вокруг меня столько людей! — объяснял он учредителям кооператива.

— Со временем научишься, Отто,— возражали крестьяне.

— Говорю вам, не научусь. В кооператив вступаю охотно, а насчет председательства — не желаю...

Несколько дней спустя после этого разговора состоялось собрание, на котором обсуждался вопрос об оформлении кооператива. Было внесено предложение избрать его председателем Отто Герлаха. Однако учредительный комитет высказался против, и его представитель так обосновал свой отвод:

— Уважаемые граждане, председатель должен уметь говорить, а Отто Герлах говорить не умеет.

В зале с этим мнением были не согласны. Раздались голоса:

— Если только в этом причина, то это не довод. Говорить можно научиться!

Отто Герлах сидел, втянув голову в плечи: ему было не по себе оттого, что он стал центром всеобщего внимания.

«Что хотите делайте, — думает он про себя,— а от меня слова не услышите!»

— Но это, друзья, еще не все, — продолжал излагать свои соображения представитель учредительного комитета. — Вы поглядите к тому же, как он работает. Это вообще не работа! В прошлом году в это время крестьянин Отто Герлах выполнил уже все свои обязательства. А в нынешнем году... Да ты лучше сам, Отто, расскажи. Плетешься ты в хвосте в этом году! Взять хотя бы свеклу, которая у тебя даже не взошла...

В зале повеяло грозой. Отто Герлах почувствовал, что его задели за живое. Свою работу он не позволит охаивать! И до сих пор спокойный Отто подымается со своего места, багровый и тяжело дыша, как выброшенная на берег рыба.

— Ступай, Отто, на трибуну и дай жизни этому брехуну! — подзадоривает его сосед.

И вот Отто Герлах ухватился ручищами за края трибуны, и его голос гремит на весь зал:

— Врет он, этот бездельник! Как он смеет так клеветать на меня?! Все знают, что обязательства, которые я взял перед нашей республикой, я и в нынешнем году честно выполнил. А что до свеклы, то люди видели, какая она взошла у меня. А сколько трудов положено, чтобы добиться высоких урожаев! Я собрал, граждане, сахарной свеклы по двести центнеров с моргена. Слышите, по двести! Вот она, моя работа. Я в нее, можно сказать, душу вложил, а он говорит, что у меня дрянь работа. Где же совесть у этого человека? — И пошел и пошел рассказывать, что надо делать, чтобы получить такие хорошие урожаи!

— Граждане,— раздался тогда голос из-за стола, за которым сидели члены комитета учредителей, — да вы поглядите на него, нашего Отто Герлаха! Оказывается, он умеет говорить! По крайней мере, так же хорошо, как и работать! Так что, полагаем, мы можем теперь проголосовать: желаем ли мы иметь председателем кооператива Отто Герлаха?

И тут в веселом шуме поднялось множество рук.

— Поймали вы все же меня, черти! — загудел Отто Герлах, но голос его потонул в общем смехе.

Сокращенный перевод с немецкого.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Город-герой. 6. Крепость на Балтике. 8. Участник восстания 1825 года. 11. Басня И. А. Крылова. 14. Нарисованное изображение. 15. Зодчий Адмиралтейства. 16. Культурно-просветительное учреждение. 17. Исторический крейсер. 20. Металлические изделия определенного профиля. 21. Укрепление в системе крепостных сооружений. 22. Месяц. 23. Календарное время события. 27. Сборник слов. 28. Музей в Ленинграде. 29. Почетная известность. 33. Совокупность людей близкого возраста, живущих в одно время. 34. Клише для типовых рисунков, заголовков, виньеток. 35. Проспект в Ленинграде. 36. Терраса.

По вертикали:

1. Река в Ленинградской области. 2. Большой сад. 4. Горная порода. 5. Часть суши. 7. Общественный деятель, выдающийся оратор и публицист. 8. Большое здание общественного назначения. 9. Широкая аллея на городской улице. 10. Река, на которой была построена первая в СССР крупная ГЭС. 12. Великий русский ученый-физиолог. 13. Место въезда в город. 18. Сооружение в виде больших ворот. 19. Торжественное обещание. 20. Гавань. 21. Автор памятника Петру Первому в Ленинграде. 24. Передовой отряд. 25. Вооруженный автомобиль. 26. Сооружение перед Смольным. 29. Единица ритмически организованной речи. 30. Частица химического элемента. 31. Русский зодчий. 32. Залив в низовьях реки.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали:

5. Паводок. 8. Горилла. 9. Оскол. 10. «Налим». 12. Умань. 13. Перспектива. 14. Ромашка. 16. Кендырь. 18. Сталь. 19. Смысл. 22. «Спартак». 23. «Бурелом». 26. Гидрография. 28. Пакля. 29. Ераст. 30. Ларго. 31. Грабарь. 32. Волынка.

По вертикали:

1. Кавалер. 2. Полип. 3. Бирма. 4. Фланель. 6. Корсика. 7. Сквер. 8. Глетчер. 11. Металлургия. 12. Уведомление. 15. Остап. 17. Руссо. 20. Кадриль. 21. Русанов. 22. Суматра. 24. Мексика. 25. Угорь. 26. Глыба. 27. Ярлык.

В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

Корреспондент одной реакционной западногерманской газеты зашел в кабинет к главному редактору:

— Ох, господин редактор, сегодня ночью я видел страшный сон! Ужас!!! Накануне мы выпили, и вот до самого утра меня мучили кошмары!

Главный редактор прервал корреспондента:

— Да ведь это же замечательно! Ве-ли-ко-леп-но!!! Нам сейчас как раз дозарезу нужен свежий материал! Немедленно садись и... опиши все, что тебе приснилось! Мы это пустим под заголовком: «Из Восточной Германии сообщают».

(Из газеты «Иени Ышык», на турецком языке. София)

В этом номере помещены акварели В. И. Сурикова «Портрет девушки в красной кофте», «Неаполь. Набережная», «Под дождем в дилижансе на Черную речку», П. Ф. Соколова «Портрет скульптора П. К. Клодта», «Портрет жены скульптора И. П. Витали» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 02259. Подп. к печ. 19/V 1953 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 404. Заказ 1113. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

В свиносовхозе «Пятилетка в четыре года», Базарно-Сызганского района, Ульяновской области. Ветеринарный врач Ф. В. Чижовкина и свинарка Т. Т. Пирогова проводят очередной осмотр поросят.

Фото Я. Рюмкина.

Цена 3 руб.